

СТАНИСЛАВ
Гагарин

ЛОВУШКА

ДЛЯ

"ОСЬМИНОГА"

Миссия выполнима

Станислав Гагарин

Ловушка для «Осьминога»

«ВЕЧЕ»

1986

Гагарин С. С.

Ловушка для «Осьминога» / С. С. Гагарин — «ВЕЧЕ»,
1986 — (Миссия выполнима)

ISBN 978-5-4484-8176-5

Резидентура, зашифрованная словом «Осьминог», начала действовать. Подготовленные в шпионско-диверсионной школе агенты готовы к заброске. Приступают к своей сложной работе контрразведчики и пограничники. А судьба приводит штурмана советского торгового флота в разведшколу ЦРУ. Роман признанного мастера остросюжетного жанра.

ISBN 978-5-4484-8176-5

© Гагарин С. С., 1986
© ВЕЧЕ, 1986

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	35
Глава четвертая	53
Глава пятая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Станислав Гагарин Ловушка для «Осьминога»

© Гагарин С.С., наследники, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая Атака «Осьминога»

Глава первая

I

Труп водителя мешал убийце вести машину.

Перехватив штурвал правой рукой, не отрывая глаз от мчавшейся навстречу дороги, он потянулся через обмякшее тело, нашел ручку и распахнул дверцу машины. Затем энергично сдвинул мертвеца к краю сиденья. На мгновение убийца отвлекся от штурвала, и машину стало заносить в сторону. Он судорожно вздохнул, выправил движение и резким толчком бедра выбросил труп.

Убийца захлопнул дверцу, положил левую руку на штурвал, прибавил газу и рассмеялся. Нагруженный железобетонными панелями трейлер вздрогнул, прибавил скорость и, подвывая мощным двигателем, устремился вперед.

В свете фар мелькнул щит с надписью: «Клюквенное. 8 км».

«Только бы прорваться! – подумал убийца. – И еще двести – триста метров от шлагбаума на той стороне. По времени я успеваю. Меня уже ждут... Ждут!» И убийца запел нечто торжествующее, без слов. Но, несмотря на это победное завывание, он весь был словно стальная пружина, готовая распрямиться в любую секунду.

До пограничного контрольно-пропускного пункта оставалось пять километров.

II

Он был веселым и жизнерадостным парнем, Володя Рыбин, водитель из совхоза «Синегорье». Год тому назад Володя вернулся со службы в родную Ленинградскую область из далекого Ашхабада, где два года возил на уазике командира полка, и с радостью сел на тяжелую машину, предложенную директором совхоза. Он и до армии водил мазовский самосвал и не любил «хлипкие» машины.

Спустя два месяца после возвращения домой Володя женился на Маше Томилиной, которая ждала его такие длинные два года. Неделю назад Владимир стал отцом... Девочку назвали Валентиной. Если бы случился сын, то имя ему дали бы Валентин – в честь Машиного деда, погибшего на заставе в июле сорок первого года неподалеку от Синегорья.

Вообще-то в глубине души Володя мечтал о сыне, но когда сегодня утром встретил Машу на крыльце родильного отделения Синегорской больницы и, осторожно приподняв кружевной край розового конверта, увидел крошечное личико дочки, то и думать забыл, что хотел сына. Бережно принял молодой отец маленькую Валюшку на руки, и такое щемяще-сладкое чувство охватило его душу, что даже слезы навернулись на глаза.

Володя отказался сесть в жигуленок своего закадычного еще холостого друга Васи Шкаева, плавающего токарем на теплоходе «Вишера» Балтийского пароходства, отправил с ним Машу и тещу, а сам с дочкой на руках пошел пешком. Так и принес ее домой.

А дома Рыбина ждал заместитель директора совхоза Глушкин. Игорь Борисович ведал в Синегорье строительством, перебрался сюда с крупной стройки в Ленинграде, семью привез,

осеть в деревне решил крепко и дела развернул широко. Он вежливо извинился перед Володей и Машей, сказал, что понимает ситуацию, но на строительстве школы простаивает студенческий отряд – нет панелей. Два других шофера выбыли из строя – один хоронит отца, второй попался гаишникам по хмельному делу.

– Говорит, что лишь пива кружку хлопнул, – пожал плечами Игорь Борисович, – а там кто его знает. Раппопорт не дурак, против его прибора что скажешь? Отобрали у Сазоненко права. На тебя одна надежда, Владимир. Выручай!

По Глушкину выходило, что если Рыбин рванет сейчас на станцию Канельярви, где находится завод железобетонных изделий, и возьмет там панели, то к концу рабочего дня будет дома.

– Конечно, поезжай, Вова, – сказала Маша. – Школу ведь строят... Там и нашей Валюшке учиться.

– Главное, чтобы до гостей успел, – подала голос Татьяна Михайловна, Володина мать.

– За мной шампанское, Владимир, – улыбнулся Глушкин, благодарно взглянув на молодую мать и ее свекровь.

– У нас Вова совсем непьющий, – строго сказала Маша. – Он даже пиво не потребляет. Вы к нам так приходите, мы вас сами шампанским угостим.

С тем Володя и уехал. Только вот на заводе ЖБИ проторчал чуть ли не до конца рабочего дня, оформляя всевозможные документы. Лишь в шестом часу вечера стали грузить его машину. Пришлось пообещать крановщику пузырек, иначе тот грозился: до шести я тебя, дескать, не загружу, а ровно в восемнадцать ноль-ноль скажу производству «чао». За пузырек крановщик справился еще за пятнадцать минут до этого самого «чао».

В начале седьмого Рыбин вывел машину за ворота завода.

Груженный трейлер шел спокойно и уверенно. Дорога была хорошая, и Володя надеялся, что в восемь вечера он сядет за праздничный стол. Но тут пошел дождь, дорога стала скользкой и пришлось сбросить скорость. Потом двадцать минут стоял у железнодорожного переезда, десять – у моста через Мууксу, дважды плелся в хвосте длинного ряда машин – усилилось движение – ведь была пятница, владельцы автомобилей кто куда спешили на выходные дни.

Наконец Володя вывел машину к развилке, от которой шла параллельная основному шоссе дорога. Она тоже вела к границе и проходила через центральную усадьбу совхоза. По этой дороге ходили только местные автомобили и туристические автобусы, ехать по ней было одно удовольствие – встречного движения почти никакого.

«Вот я и дома», – с облегчением подумал Володя, вспомнил личико дочки и растроганно улыбнулся. Нога его, лежавшая на педали газа, подалась вперед. И тут Володя увидел его. Человек этот будто ниоткуда возник на обочине. Еще мгновение тому назад никого не было на дороге – и вдруг: стоит рослый парень в зеленой униформе бойца студенческого строительного отряда и спокойно так, уверенно поднимает над головой руку. Володя сбросил газ и с готовностью, с удовольствием стал тормозить разогнавшийся было трейлер.

Рыбин любил ребят из студенческих отрядов. Работали они так, как теперь на селе работают разве что одни шабашники – от зари до зари. И получалось у них не только слаженно и качественно, но еще и с шутками-прибаутками. А вечером песни, мудреные разговоры у костра. Володя и сам в институт собирался, но только так получилось, что отец его, Феофан Рыбин, погиб на рыбном промысле в Северном море, и пришлось ему помогать матери растить двух сестренек. Потом служба в армии, а теперь вот дочка родилась. Но уж когда наладится житуха, он, конечно, поступит в автодорожный, на заочное, разумеется, потому как семья...

– Залезай, кореш! – крикнул Володя, остановив трейлер так, что дверца кабины оказалась напротив студента. – Садись, скоро дома будем...

Студент проворно забрался в кабину, поздоровался, поблагодарил и умолк, глядя прямо перед собой.

Володю так переполняла большая и светлая радость, что он не заметил некоторой напряженности своего попутчика.

– В Синегорье, значит? – спросил он.

Студент кивнул.

– Из нашего стройотряда? – не унимался Рыбин, сбоку разглядывая парня. Впрочем, не парень это был, скорее молодой мужчина лет тридцати, чернобородый. Такого Володя в Синегорье не видел.

– Нет, – ответил бородач. – Я комиссар из районного штаба.

– Сами-то из студентов? – спросил Володя.

– Аспирант, – ответил попутчик. – Вот еду посмотреть, как они там у вас строят.

– А что?! – воскликнул Рыбин. – Вкалывают дай бог каждому... Хорошая школа выходит. Я как раз панели для них везу.

Хотел Володя сказать, что через семь лет его Валюшка, которую он сегодня утром впервые держал на руках, пойдет учиться в эту школу, только не успел.

Человек, которого он подобрал на дороге, сунул руку в карман форменной куртки, где лежал пистолет.

– А это что у вас? – кивнул он в сторону окошка со стороны водителя

– Это... – Володя слегка повернул голову в сторону проносившихся слева строений молочной фермы, хотел ответить, но ответить ему не дали. «Аспирант», незаметно доставший пистолет, сунул его за Володину спину и дважды выстрелил под лопатку.

III

На пограничном контрольно-пропускном пункте Клюквенное в этот вечер дежурили двое пограничников: ефрейтор Саша Ефлеев и недавно прибывший из учебного отряда рядовой Сережа Лучкин.

Лучкин первым услышал пока еще далекий рев трейлера, идущего на предельной скорости.

– Кто-то к нам в гости движет, – сказал он ефрейтору, который был в их наряде старшим.

– По времени не автобус, – отозвался Ефлеев, прислушиваясь. – Да и звук не тот... – Он почувствовал непонятную тревогу, глянул на закрытый шлагбаум и на всякий случай спросил: – Красный у нас горит?

– Горит, товарищ ефрейтор! – весело выкрикнул Лучкин.

«Чего он веселится? – хмуро подумал ефрейтор. – Не ко времени будто бы...»

Ефлеев уже повидал кое-что на границе, был опытным солдатом и приобрел главное качество настоящего охранителя границы – он желал на границе тишины и спокойствия и делал все, чтобы эти два состояния сохранялись здесь как можно дольше. А Сережа Лучкин и в самом деле был в некоем приподнятом настроении. Он понятия не имел, откуда и почему оно появилось, молодой парень словно чувствовал приближение события и радовался ему, инстинктивно, подсознательно готовясь испытать себя в настоящем деле.

В километре от поста дорога поворачивала, и машину пока не было видно. Но вот внезапно выметнулся ее громоздкий корпус и стал быстро приближаться.

– Не нравится мне это, – вполголоса проговорил спокойно Ефлеев и тут же принял решение. – Лучкин! – крикнул он вовсе другим тоном. – Смотри в оба! Звоню прапорщику!

Основной наряд с досмотровой группой находился у самой границы. Командовал им сегодня прапорщик Леонид Бычков, дослуживающий последний год сверхсрочного пятилетия.

Машина была метрах в шестистах от КПП, когда Ефлеев прокричал в трубку:

– На пост движется трейлер с панелями! Скорость – восемьдесят в час... Не тормозит, товарищ прапорщик! Думаю, идет на прорыв...

Бычков о чем-то спросил, но его голос в телефонной трубке заглушил треск сокрушаемого трейлером шлагбаума.

– Прорвался, товарищ прапорщик! – крикнул Ефлеев. – Уходит к вам! Да-да! Все понял.

Он быстро повесил трубку, выглянул из будки и увидел, как выбежавший на полотно дороги Лучкин приложил к плечу укороченный автомат Калашникова.

– Отставить! – крикнул ефрейтор. – Не стрелять! Его там встретят.

IV

Но убийцу Володи Рыбина ждали неподалеку от границы не только на нашей стороне. Около семнадцати часов по местному времени через финский поселок Фуруельм прошла, направляясь к советской границе, легковая автомашинка марки «вольво» серебристого цвета. Миновав стоящий на окраине двухэтажный домик-коттедж, в котором жил егерь Пекко Виртанен со своим многочисленным семейством, водитель «вольво» проехал еще метров пятьсот и повернул налево. Здесь основное шоссе Стокгольм – Хельсинки – Ленинград пересекала рокадная дорога, идущая вдоль границы. В двухстах метрах от развилки автомобиль развернулся и встал. Водитель выключил двигатель.

– Вы думаете, мы отсюда что-нибудь услышим, Стив? – спросил у водителя человек, сидевший с ним рядом.

– Конечно, – ответил Стив, кряжистый, плотный блондин с приплюснутым «боксерским» носом, который достался ему от природы. Впрочем, хозяин «боксерского» носа довольно неплохо, по житейской необходимости, владел приемами кулачного боя. – Во-первых, до границы всего полтора километра. Там поднимется такой шум, что мы его, разумеется, услышим. Во-вторых, у нас включен радиотелефон. Мой человек возле заставы подаст условный сигнал.

– Боюсь, что этот шум, Стив, услышат в Хельсинки и Вашингтоне, – проворчал пассажир с заднего сиденья. – Финны не хотят осложнений с русскими, начнут копать, сделают представление нашему посольству, не останутся и перед тем, чтобы объявить кое-кого персоной нон грата. Могут потянуть ниточку к своим соседям. Те тоже захотят соблюсти невинность. А отдуваться нам с вами, Стив. И вы, Майкл, можете загреметь со своим дипломатическим иммунитетом.

– Мне к этому не привыкать, – усмехнулся тот, кто сидел рядом с водителем. – Только я надеюсь, что наш друг Рутти Лаймесон, как бывший абориген, продумал детали и проведет операцию так, что, по выражению русских, комар носа не подточит.

Поговорку Майкл произнес на русском языке, но все трое знали русский вполне достаточно, чтобы оценить ее соответствие нынешнему моменту.

Стив фыркнул. Это вовсе не означало, что он смеется. Майкл знал особенности характера водителя и, живо повернувшись к нему, спросил:

– Вы чем-то недовольны, Рутти?

– Да, недоволен! – резко ответил Стив. – Сколько раз можно говорить о том, чтобы вы не называли меня этим именем? Рутти Лаймесона больше нет... Не существует! Есть Стив... Я Стив Фергюссон, черт вас побери...

– Перестаньте ссориться, – усталым тоном произнес сидевший сзади джентльмен. – Вы, право, как дети... Майкл, объявляю вам замечание за легкомысленное поведение. А вы, Стив, поберегите вашу вспыльчивость для истинно ратных дел. Я понимаю, что в ваших жилах течет кровь викингов, наверняка среди предков были и воины-берсерки, не знающие в бою инстинкта самосохранения, но сейчас нам этот инстинкт крайне необходим. Когда контрольный срок?

– До полуночи, – ответил Майкл. – По московскому времени...

– Тем более не стоит ссориться. Ведь нам, возможно, сидеть втроем в этой железной коробке несколько часов... Вы уверены в этом человеке, Стив?

– Смел, решителен, по-своему умен. Мосты сжег уже давно. Начисто лишен каких-либо эмоций, разве что патологически ненавидит Советы и русских. Его отца, возглавлявшего отряд «верных братьев», расстреляли как военного преступника за месяц до его рождения.

– Не принес бы он на хвосте чего-либо уголовного. Трудно будет тогда доказывать политический характер акции, сослаться на права человека, хельсинкский Заключительный акт.

– Согласно инструкциям, которые он получил, мистер Сандерс, – официальным тоном принялся докладывать Майкл на английском языке, характерно выговаривая букву «р», – согласно инструкциям наш Лангуст должен угнать тяжелую автомашину, пройти на ней через пограничные посты русских, на большой скорости сбить шлагбаум и выскочить на эту сторону. Затем он бросает машину, добирается до перекрестка, где ждем его мы, случайно оказавшиеся на дороге. Отвозим в убежище, оттуда Стив переправляет Лангуста через кордон. Впрочем, я ведь представил вам, мистер Сандерс, письменную разработку операции.

– Услышать о ней из уст подчиненного еще раз всегда полезно, Майкл. Ну что ж, полагаюсь на вас, мальчики. Только бы этот ваш Лангуст проскочил сюда с чистыми клешнями.

Ни мистер Сандерс, ни его сорокалетние мальчики не знали, что весь день Лангуст не сумел войти в подходящую ситуацию, которая могла бы закончиться угоном тяжелой автомашины, и принял свое решение – убить водителя, чтобы завладеть машиной.

V

День и не думал как будто бы кончаться. Солнце все еще стояло над городом, заливая лучами полноводную Неву, степенно катящую воды к Финскому заливу, и празднично раззолотив устремленные в небо шпили Петропавловской крепости и Адмиралтейства. А было уже восемь часов вечера...

Генерал Третьяков не любил сверхурочных совещаний, он полагал, что надо укладываться в рабочее время, если, конечно, не произошло ничего экстраординарного. Лев Михайлович был за плановые методы работы в контрразведке, хотя и считался великим мастером импровизации, проявившим склонность к парадоксальным приемам еще в молодые годы, когда начинал службу во фронтовом «Смерше». И в этот последний день недели генерал надеялся закончить совещание до конца официального срока дневной службы, начав его в семнадцать ноль-ноль. Обычно часа хватало на обсуждение даже самых сложных вопросов. Но в этот раз не получилось... Лев Михайлович отпустил сотрудников только в половине восьмого.

Майор Колмаков позвонил жене, что будет дома в девять. Выйдя из здания управления на Литейный проспект, он прошел переулком, свернул направо и по улице Фурманова, бывшей Гагаринской, спустился к реке – ему хотелось пройтись по Невской набережной и осмыслить услышанное им сегодня.

– Активность новой резидентуры, обосновавшейся в городе Ухгуилласуне, не просто подозрительна, – сказал генерал Третьяков, – она предвещает развертывание серьезной операции, или даже серии операций, направленных против наших интересов. Более того, мне представляется вполне возможным, что именно этому разведывательному подразделению подчинены старые резидентуры, которые выявлены нами в Скандинавии за последние годы. Заокеанских политиков серьезно беспокоят относительно миролюбивые тенденции правительств стран Северной Европы, движение за объявление этой зоны безъядерной. Они исходят из принципа, что «дурной» пример заразителен. Из четырех скандинавских стран только две пристегнуты к военной и политической колеснице Северо-Атлантического Союза. Швеция соблюдает традиционный нейтралитет, с Финляндией у нас ровные добрососедские отношения, как это и предусмотрено Договором сорок восьмого года о дружбе, сотрудничестве и взаимной

помощи. И вот нарушить это, относительное, конечно, равновесие охотников великое множество. И далеко не последняя роль в этом сомнительном деле принадлежит тайным службам стран НАТО. Наше с вами положение, товарищи, весьма сложное. Наши действия по предотвращению задуманных противной стороной акций должны быть ювелирными, пронизанными не только оперативной выдумкой, но и чувством такта, ибо акции эти осуществляются не только на нашей территории, где мы можем со шпионами особо не церемониться, но и в сопредельных государствах. А там... Там, как вы понимаете, не все нас любят, да и вообще там – другое государство. Короче. Бдительность – как всегда высокая, а выдержка двойная... Теперь частности. Иван Васильевич, какова общая картина по контрольно-пропускным пунктам?

С места поднялся полковник Чернов, представляющий на совещании пограничный округ. Он был высокий, молодежавый, с головой, обрамленной мелко вьющимися светлыми волосами, за что среди сослуживцев именовался, за глаза, конечно, несколько обидным прозвищем.

– Сидите, сидите, Чернов, – махнул рукой генерал. Третьяков не любил докладов о деле по стойке «смирно» Он предпочитал и проводил совещания в более непринужденной обстановке: с минеральной водой на столе и вкусным крепким чаем – что кому из присутствующих нравится, – только вот курить в его кабинете не полагалось.

– По данным, которые поступают с наших КПП в морском порту, из аэропорта Пулково, а также из Кронборга, с железнодорожных постов и с постов на шоссе дорог, уровень контрабанды остался прежним, – стал докладывать Чернов. – Элементов какой-либо организованности по этой части мы не видим. В попытках провоза порнографических изданий тоже средние показатели. Зато резко увеличилось количество музыкальных журналов. В основном на английском языке, но есть и на немецком, на французском. Фотографии на их страницах бывают весьма вольные, но это не порнография и не антихудожественные вещи. Дублей, как правило, нет, везут комплекты за год, а то и за два. «Взял с собою в туристическую поездку, чтобы прочитать на досуге» – таков стандартный ответ.

– И вы их пропускаете? – спросил полковник Митрошенко.

– Конечно. Все по инструкции: музыка, культурный обмен... Делаем, как учили...

– Обратно? – коротко спросил Третьяков.

– Ни боже мой... И у себя проверяли, и Москву запрашивали про тех, кто возвращается домой из столицы. Ни один музыкальный журнал от нас не уходит. Все остаются в нашей стране. Ответ стереотипен: прочитан, мол, и выброшен. Поди проверь.

– Понятно, – сказал Лев Михайлович. – Идеологическая диверсия – вот что такое эта самая музыка. – И спросил: – Еще?

– Участился завоз книги Хедрика Смита «Русские». Ею снабжен буквально каждый западный турист. Появилось новое карманное издание на тонкой бумаге, в мягкой обложке. В пиджак можно спрятать.

– Покетбук, – заметил Митрошенко. – Еще одно подтверждение того сообщения, Лев Михайлович.

– Недавно наши люди изъяли такую книгу у восемнадцатилетней Джулиет Сью Берковиц, прилетевшей через Хельсинки из Калифорнии, – продолжал Иван Васильевич. – Обычно мы отбираем и уничтожаем такого рода литературу. Но на этой книге стоял штамп библиотеки. В общем, взяла почитать в дорогу... Составили акт и объяснили мисс Берковиц, что книга изымается на время ее нахождения в Советском Союзе, что в Москве, перед отлетом из Шереметьева, книгу эту ей возвратят.

– Да, – сказал Лев Михайлович, – библиотечные книги надо, конечно, беречь... А вот вам информация, товарищи, которую мы получили недавно. Во всех туристских фирмах, которые отправляют нам своих клиентов через Скандинавию, организована бесплатная раздача этой книги. Под видом справочного пособия.

Генерал Третьяков выдвинул ящик стола и вынул оттуда довольно пухлую книжку, но небольшого формата. На обложке был изображен Кремль, ниже множество человеческих лиц, видимо, олицетворяющих, по мнению издателей, понятие толпы.

– Кто читал эту книгу? – спросил Лев Михайлович. – Судя по вашему нерешительному молчанию – «все»... Ладно, все знаю: работа, текучка, газету некогда просмотреть, английский по анкете – «читаю и перевожу со словарем». Сообщаю: в нашей библиотеке есть перевод, для служебного пользования. Советую познакомиться с сочинением мистера Смита, который довольно долго представлял американскую прессу в Москве. Характерная особенность этой книги в том, что ее автор, говоря о культурной жизни столицы, много рассказывает о писателях, художниках, артистах, под разными предлогами уехавших за кордон, и про тех, кто не уехал. Но по Смиуту получается, что оставшиеся образуют как бы внутреннюю оппозицию, эмиграцию, так сказать, духа. Он так ловко подтасовывает высказывания тех и других, что создается впечатление: между ними нет принципиальной разницы. Между тем не все экземпляры этой книжицы изымаются нашими славными парнями в зеленых фуражках!

– Лев Михайлович! – протестующе воскликнул полковник Чернов.

– Да-да. Наши московские коллеги сообщили, что «Русские» Хедрика Смита гуляют по городу. Да и у нас их обнаруживали. Чей это прокол?

– Дипломатическая почта, – подсказал кто-то из угла, занятого молодежью.

– Не исключено, – согласился генерал. – Теперь о музыкальных журналах. Выяснилось, что они продаются рядом с туристскими фирмами и там, где формируются группы туристов для выезда к нам. Продаются по цене в десять раз ниже номинала! Разницу оплачивает пока неизвестный нам благодетель, но похоже, что за ним стоит новая шпионская фирма в Ухгуилласуне. Делайте выводы... А теперь главное. В Кронборгском отряде, на заставе номер один, случилось чрезвычайное происшествие. Товарищи пограничники провели, как и положено, собственное расследование, но теперь необходимо, в свете того, что я вам сейчас говорил, подключиться и нам. Слово Ивану Васильевичу.

«Застава номер один! – подумал майор Колмаков. – Наша застава... Что же там произошло?»

VI

– Будьте осторожны! – крикнул прапорщик Леонид Бычков в телефонную трубку. – Не лезьте под машину, Ефлеев! Не стрелять! Пусть катит. Мы здесь его встретим! – И опуская трубку на рычаг, отдал новую команду: – Юрасов и Макарихин! Быстро расстелить на дороге ежа! Бегом! Сержант Федяй! Займите с Матросовым позиции по обе стороны дороги за шлагбаумом. Если после ежа машина не остановится и собьет шлагбаум, открывайте огонь. Я буду перед будкой.

Еж, пока еще безобидный, никому не угрожающий, мирный, лежал на обочине дороги метрах в двухстах от будки поста. Ефрейтор Андрей Макарихин и младший сержант Степан Юрасов бегом бросились к нему, выволокли на полотно дороги и быстро развернули.

Плотная резиновая полоса метровой ширины, утыканная острыми металлическими штырями, перепоясала шоссе от одной обочины до другой. Объехать полосу было невозможно. Прибежавшим назад пограничникам Бычков приказал занять запасные огневые точки, сам он остался стоять у крылечка постовой будки, открытый со всех сторон и в общем-то беззащитный против бешено рвущегося к границе тяжело нагруженного трейлера.

Услышав рев двигателя, Бычков расстегнул кобуру, вынул пистолет Макарова, дослал, передернув затвор, патрон в ствол и убрал его в кобуру – обнажать оружие он пока не имел права.

Теперь прапорщик уже видел мчащуюся к его посту машину. Он бросил быстрый, но внимательный взгляд на ребят, изготовивших автоматы к стрельбе. Мелькнула мысль, что подобной ситуации у них вроде бы никогда не бывало. Слышал, что на кавказской границе случилось похожее, и в журнале «Пограничник» читал про такой инцидент в Венгрии, а чтобы здесь... Посмотрел на сопредельную сторону – там было тихо. И никого не видно. Естественно, конец недели. Они, соседи, на выходные дни число нарядов на границе сокращают, а с вышек так вообще снимают наблюдателей.

Трейлер вдруг включил фары на дальний свет, хотя было еще совсем светло.

«Психует, – подумал Леонид Бычков, – и нам хочет передать собственное состояние...»

Он усмехнулся наивности того, кто за рулем, но тут к реву двигателя трейлера прибавился пронзительный вой автомобильной сирены. Водитель машины решил ошеломить пограничников.

И тут сработал еж...

Трейлер повело в сторону, едва передние колеса коснулись стальных игл, и пробитые камеры выпустили воздух. Машина рыскнула, но тот, кто управлял ею, хорошо знал шоферское дело. Он мгновенно вывернул руль, пробитые задние колеса поставили трейлер на прежнюю линию, и, подгоняемый тяжелым грузом, он на одних ступицах неудержимо рванулся к границе.

Прапорщик выскочил на дорогу и выхватил пистолет из кобуры:

– Стой! Стрелять буду!

Машина летела на Бычкова – дорога шла под уклон, и это помогало убийце.

Дважды выстрелив в воздух, Леонид понял, что так не остановит нарушителя – его задержит только пуля. Но сам он выстрелить по кабине уже не успел – трейлер легко отбросил полозную перекладину.

В этот момент ударили с двух огневых позиций автоматы Матросова и Федяя.

Трейлер стал забирать резко вправо, потом кабину вывернуло поперек дороги, тяжелые панели в прицепе, заряженные огромным запасом кинетической энергии, подались вперед и подмяли кабину под себя. Передние колеса заскребли по асфальту, вырывая из него целые куски, затем левое колесо стало приподниматься, остальная часть тела трейлера еще стремилась вперед, машина опрокидывалась... Неуловимый миг – и вот она перевернулась, проползла на спине еще немного – с грохотом ссыпались в стороны панели, противно завизжал сплюснутый металл смятой кабины – и замерла вверх колесами в трех-четыре метрах от последнего рубежа.

С другой стороны бежали финские пограничники.

VII

– Папа, – сказала Галина, – ты не забыл, что завтра суббота?

– Если сегодня пятница, то завтра непременно будет суббота, – улыбнулся Колмаков.

– Сегодня пятница. А то, что мы в субботу едем в Репино, ты помнишь?

– Я-то помню, Галчонок... – И майор Колмаков вздохнул.

– Ну вот!.. – протянула Галина. – Ты слышишь, мама? Он опять нас подводит... Ну, папочка, что еще случилось? Ты ведь сам мне говорил: сдашь последний экзамен за восьмой класс – поедem к Илье Ефимовичу в гости... Ведь там сейчас так красиво!

– А в другую субботу? – осторожно спросил Колмаков.

– Но ведь тогда мне к другим экзаменам надо будет готовиться... – В глазах дочери блеснули слезы.

– Ладно, – сказал он, – я поеду с вами...

– Значит, едем?! – воскликнула дочь.

– Едем, – ответил Колмаков. – До Репино. Там я вас оставлю, а сам дальше...

– Мы так не договаривались, – для вида поджала губы Галина, но внутренне она уже согласилась на предложенный отцом компромисс. Что ей оставалось?

Девочка на «отлично» закончила восьмилетку и собиралась поступать в художественное училище. С первого класса она ходила в детскую студию при Академии художеств, и преподаватели утверждали, что ей надо учиться дальше. Жена Колмакова Тамара немного противилась этому – она хотела, чтобы дочь сначала получила аттестат зрелости, а затем поступала куда угодно, но Галина заявила, что в девятом классе ей будет скучно, а после десятого в художественный институт ей попросту не поступить – не та подготовка.

«А что, – подумал Колмаков, – правильно я решил... Все равно по дороге. Мне же дают машину...»

– Не договаривались, так давай договоримся, – сказал он дочери. – Если согласна – подъем в семь. Машина придет за нами в восемь. Так что ложись спать пораньше.

– Пойду собираться, – сказала Галина и вышла из гостиной.

Тамара подошла к Николаю, поправила ему волосы, упавшие на лоб.

– Увидишь Артема и Настю? – спросила она.

– Настю под вопросом – если Артем в гости пригласит, – улыбнулся Колмаков. – А с ним работать вместе будем, еще и надоест.

– У них случилось что-нибудь? – скорее утверждая, нежели спрашивая, сказала Тамара, уже привыкшая к тому, что муж ни о чем таком ей не рассказывает, и делавшая это как бы по инерции.

– Ничего особенного. Обычные наши дела, – ответил Колмаков, а сам подумал: «Ничего особенного! В том-то и загвоздка, что все выглядит необычно. Новая сигнальная система... Взбесившийся бульдозер... Случайность? Да, но кто-то же заклинил рычаги управления, закрыл обе дверцы кабины. И это уже после того, как направил машину в сторону заставы».

История, которую доложил сегодня на совещании у генерала Третьякова полковник Чернов, вкратце сводилась к следующему.

В районе заставы № 1 Кронборгского погранотряда проводились земляные работы – строилась подстанция для международного телеграфного кабеля. Обедать рабочих возили в поселок Болдино на берегу залива, в столовую тамошнего рыболовецкого колхоза. На объекте в это время никого не оставалось.

И вот вчера, как раз когда у рабочих обеденный перерыв, на заставе № 1 была объявлена тревога. Бульдозер со стройки свалил предохранительный забор, ограждающий пограничную зону, и двинулся к участку, на котором была установлена экспериментальная сигнальная система. Подоспевший наряд едва успел остановить машину, которая почти добралась до системы и лежащей за нею контрольно-следовой полосы.

Нарушения как будто не произошло, система была в сохранности, и если бы даже бульдозер сокрушил ее, нельзя же признать нарушителем бездушную машину? Но кто-то стоял за нею...

Строители разводили руками. Пограничники точно установили, что никто из них не мог запустить двигатель бульдозера и направить машину определенным образом – все рабочие находились в это время в столовой рыболовецкого колхоза.

И вообще – почему бульдозер? Что это могло дать тем, кто, возможно, стоит за ним? Ну, допустим, сокрушил он систему, повредил контрольно-следовую полосу... И что дальше? Может быть, тут чистой воды хулиганство? Но в анналах пограничной истории пока не было случаев покушения на государственные рубежи из хулиганских побуждений. С той стороны, правда, бывает, что повалят наш зелено-красный столб или сорвут с него государственный герб, но это иные категории. Но вот пустить на проволоку бульдозер...

– Отвлекающий маневр, – предложил объяснение полковник Митрошенко. – Готовили проход в другом месте.

– Среди бела дня? – с сомнением покачал головой Чернов. – Нет, Анатолий Станиславович, это исключено. Тревогу объявили на всех соседних заставах комендатуры, потом отряда. Попыток нарушения границы не зафиксировано.

– Работу среди местного населения провели? – спросил Третьяков.

– Обижаете, Лев Михайлович. Это же азы нашего дела.

– Хорошо, – сказал генерал. – Подключаемся и мы к этой операции «Бульдозер». От нас к вам поедет майор Колмаков. Он бывший ваш коллега, носил зеленую фуражку, найдете общий язык. Все свободны, кроме группы полковника Митрошенко.

Когда остальные сотрудники разошлись, Лев Михайлович сказал оставшимся:

– Как вы знаете, мы создали вашу группу с намерением надежно прикрыть новый научно-исследовательский институт академика Колотухина от любых подходов, которые, безусловно, начнут искать к этому оборонному учреждению западные спецслужбы. Прежде чем Анатолий Станиславович доложит о намеченных вами и осуществляемых мероприятиях, я хочу предупредить вас, что командировка Николая Ивановича в Кронборг носит эпизодический характер, он по-прежнему работает в вашей группе. Впрочем, может случиться так, что бульдозер на заставе номер один и охраняемый вами объект – звенья одной хитромудрой сети, которую начала сплести новая резидентура. Но к делу. Слово полковнику Митрошенко.

В первом часу ночи майора Колмакова разбудил телефонный звонок. Он приподнялся в постели, снял, не открывая глаз, трубку и сказал, что слушает.

– Доброй ночи, Николай Иванович, – проговорил голос генерала Третьякова. – Впрочем, ночь эта вовсе не добрая. В Кронборгском отряде новое ЧП. Я послал за вами машину. На военном аэродроме ждет вертолет – он доставит вас на КПП Клюквенное. За ночь разберитесь, потом доложите мне лично. Я буду там в первой половине дня. Руководство погранотряда уже в Клюквенном. Желаю успеха!

«Вот тебе и Илья Ефимович Репин, вот тебе и Пенаты», – подумал майор Колмаков, выпрыгивая из постели.

– Тома, – сказал он проснувшейся жене, – готовь мою «допровскую корзинку»...

Тамара проводила его до крыльца, спустившись вместе с ним на лифте до первого этажа. Машина из управления уже стояла у подъезда. Колмаков поцеловал жену в глаза и ощутил соленый вкус ее слез.

Вот от этого, плакать на проводах, он так и не сумел ее отучить.

VIII

Вертолет завис над дорогой, хорошо видной летчику в кончавшейся уже белой ночи, помедлил, примериваясь, и опустился на асфальт.

Еще с воздуха майор Колмаков увидел стоявшие у будки контрольно-пропускного пункта два уазика, «Волгу» и санитарную машину. А когда подлетали к границе, было видно, что по дороге к ней движутся мощный автокран и трактор К-700, вызванные для ликвидации следов происшествия.

Первым подошел к выпрыгнувшему из вертолета Колмакову его старый друг, старше не бывает – родились в одном роддоме в один день, – Артем Логинов, подполковник, заместитель начальника погранотряда.

– Здравствуй, Коля, – сказал он, пожимая Колмакову руку. – С приездом тебя... Пойдем. Завалишин в будке. Расспрашивает прапорщика. Его, бедного, сегодня уже в пятый раз допрашивают.

– Кто же это такое натворил? Ну и дела... – удивился Колмаков, глядя на сбитый шлагбаум и изувеченный трейлер. У санитарной машины стояли носилки, на которых лежал накрытый белой простыней труп.

– Он? – кивнул Колмаков.

– Увы, – ответил Логинов. – Еле вынули... Ждали тебя, не отправляли на экспертизу.

– А чего ждать? Воскресить его не сумею... И вообще – делайте так, будто меня здесь нет. Я ведь для связи послан – лично посмотреть и генералу доложить.

– Да, нас предупредили, что он прилетит утром вместе с начальником войск.

Они подошли к будке, и в это время в дверях ее показался полковник Завалишин, начальник Кронборгского погранотряда.

– С прибытием, майор, – сказал он. – Кое в чем мы тут уже разобрались... Можешь подключаться к расследованию. Логинов тебя введет в курс. Хочешь посмотреть? – Он повел глазами в сторону санитарной машины – в нее по безмолвному приказу Артема двое солдат-санитаров уже устанавливали носилки с трупом.

– Зачем? – поморщился Колмаков. Он побаивался мертвецов, по возможности не ходил на похороны, но старался, чтобы никто не заметил этой его слабости.

– С ребятами поговоришь? – спросил Завалишин. – Прапорщика Бычкова поспрашивай.

– В шестой раз? – не сдержался Колмаков и, спохватившись, что этой репликой выдает в какой-то степени Логинова, широко и открыто улыбнулся. – Вы мне сами расскажите, а потом, если надо будет, я с парнями поговорю. Личность установили?

– Куда там, – вступил в разговор Логинов. – На такое дело идучи документов не берут. В карманах десять рублей разными купюрами, мелочишка и сезонный проездной билет от Питера до станции Ольгино, на четыре месяца. Выписан на имя Ханжонкина Петра Елисеевича. Пистолет французской системы Лефосе, в обойме недостает двух патронов. Гильзы от них нашли в кабине.

Подкатил еще один уазик, из него выскочил высокий худощавый подполковник.

– Знакомьтесь, – сказал начальник погранотряда. – Это Зеленский, комендант участка. Товарищ с Литейного проспекта, майор Колмаков.

– А мы с Сергеем Прокофьевичем знакомы, – сказал Колмаков, подавая Зеленскому руку.

– Небось рыбачили вместе, – проворчал Завалишин. – Он у нас заядлый... Так вот. Поскольку гильзы в кабине, там он и стрелял... В кого? В водителя, конечно... Трейлер из совхоза «Синегорье». Шофера пока не нашли.

– Уже обнаружили, товарищ полковник, – сказал комендант. – На въезде в совхоз, напротив молочной фермы, в обочине. Владимир Феофанович Рыбин. Вот его документы. Труп я отправил на экспертизу.

– Ай-яй-яй, – горестно произнес Завалишин, раскрыв водительские права, – совсем еще парнишка...

– Со мной в машине заместитель директора совхоза, – сообщил Зеленский. – Я поднял его с постели. Авось что-нибудь добавит.

– Правильно, – одобрил Завалишин. – И пусть заместитель директора посмотрит на этого типа. Лицо у него, слава богу, сохранилось. Может быть, опознает. Тем более, он в форме бойца студенческого отряда.

Зеленский подбежал к машине и помог выйти оттуда Глушкину. Игорь Борисович был смертельно бледен, ступал он неуверенно.

– Это я, я во всем виноват, – отрешенно бормотал Глушкин.

К стоявшему поодаль прапорщику Бычкову подбежал ефрейтор Макарихин и заговорил о чем-то, показывая в сторону границы. Там, у разделительной черты, стояли офицер финской пограничной стражи и два солдата.

Бычков подошел к полковнику Завалишину и доложил, что на пост соседей прибыл финский погранкомиссар. Он знает, что товарищ полковник находится здесь, приветствует его и просит обменяться двумя-тремя словами без протокола.

Встреча погранкомиссаров двух сопредельных государств – серьезное на границе мероприятие. Она заранее обговаривается, обусловливаются вопросы, которые будут затронуты, ведется стенограмма. Но тут ЧП... В общем-то происшествие не касалось финнов, оно произошло на нашей территории, но, с другой стороны...

Начальник Кронборгского погранотряда по должности своей исполнял еще и обязанности погранкомиссара, поэтому сам мог решать: говорить или не говорить с Акселем Маури, который не поленился встать ночью и приехать на контрольно-пропускной пункт, чтобы сказать эти два-три слова ему, Завалишину.

– Передайте, что буду у разделительной линии ровно через пятнадцать минут, – сказал полковник.

Тем временем, отведя друга в сторону, Логинов быстро рассказал Колмакову о событиях сегодняшней ночи.

– Молодец этот ваш Бычков, – сказал Николай. – Четко сработал... Хотя случай, конечно, из ряда вон. На что он надеялся?

– Ты о ком? – спросил Артем.

– Об убийце, конечно...

– Видимо, ему нечего было терять. Вот установим его личность – пойдем.

Подожли Зеленский с Глушкиным.

– Не узнали этого человека? – спросил Логинов.

– Не-нет, не-не узнал, – заикаясь, произнес Глушкин. – Это я... Это я во всем виноват!

– Успокойтесь, пожалуйста, – мягко сказал Логинов. – О чем вы, Игорь Борисович?

– Я послал Володю в Канельярви. У него вчера дочку из роддома... А я его... за панелями...

Наступило тяжелое молчание. Все поневоле задумались о бессмысленной жестокости случившегося ночью, о маленькой девочке, осиротевшей так рано, о ее молодой матери.

– Идут, – прервал молчание Зеленский.

– Извините, – сказал Завалишин, – я вас оставлю ненадолго. Провожать не надо. – И пошел к финской границе.

С финской стороны навстречу Завалишину шел погранкомиссар Аксель Маури. Чуть позади него двигались офицеры-пограничники. Но когда Аксель Маури увидел, что русский погранкомиссар идет один, то сделал знак рукой, и сопровождавшие его офицеры остановились.

Встретились Завалишин и Маури точно на линии границы. Финн протянул русскому руку. Русский засмеялся и сказал, что через порог здороваться нельзя – плохая примета.

– Тогда я нарушу границу и перейду к вам, – улыбаясь, сказал Аксель Маури и перешагнул линию. Он знал, что русские не любят даже на миг покидать собственную землю – все встречи погранкомиссаров проходили на советской территории, это стало уже традицией, – и нарушать ее Аксель Маури не стал – он уважал традицию.

Погранкомиссары поздоровались.

– У вас что-то произошло? – спросил финн. Он прилично говорил на русском языке, начал его изучать еще в сорок первом году, когда попал в плен на реке Свирь, где генерал Мерецков остановил наступление маршала Маннергейма. И поскольку Завалишин финский знал куда хуже, они всегда говорили по-русски.

– Несчастный случай, – вежливо ответил полковник.

– Говорят, пришлось стрелять.

– Возможно, – неопределенно сказал Завалишин. Зачем было что-то объяснять Маури? Нарушения границы не было, к финнам этот трейлер не выкатился. Значит, это внутреннее дело советских пограничников.

– Мы бы его вам все равно вернули, – сказал финский погранкомиссар.

Точно, они возвращали всех перебежчиков с нашей стороны. Вот норвеги, на севере пограничного округа, те не возвращали, любому уголовнику предоставляли политическое убежище. Известное дело – членство в НАТО обязывает... А финны – молодцы. На границе с ними служить можно. Хотя у них есть противники такой дружественной договоренности Финляндии и СССР – это, дескать, противоречит правам человека. Но в данном случае какое тут право? Право застрелить молодого парня, выбросить его труп из машины и уйти от справедливого возмездия?

Аксель Маури будто прочел мысли Завалишина.

– Есть жертвы? – спросил он.

– Есть, – нахмурился Федор Николаевич.

– Я вот почему побеспокоил вас, господин полковник, – заговорил финский погранкомиссар. – Кажется, его ждали... Мне доложили, что егеря, живущий в поселке Фуруельм, наблюдал «вольво», которая вчера вечером несколько часов стояла на рокадной дороге между нашей заставой и поселком. Когда здесь у вас появился этот шум, автомобиль вышел на шоссе Москва – Хельсинки – Стокгольм и ожидал еще четверть часа. Потом на большой скорости ушел.

– Спасибо, господин Маури, – поблагодарил Завалишин.

– Кушайте на здоровье, – засмеялся финский погранкомиссар. – Только вам сказал про «вольво» без протокола.

– Понимаю, – ответил русский полковник.

Глава вторая

I

Отходную комиссию на «Вишере» ждали в полдень.

Экипаж теплохода собрали к восьми утра, чтобы заранее убедиться: никто не заболел, все готовы идти в рейс, и нет необходимости озадачивать отдел кадров пароходства, в авральном порядке искать замену.

Задержался, правда, токарь Василий Шкаев, и старший механик – дед, как его уважительно величали, любивший этого великого умельца, хотел даже такси за ним отправить, но к одиннадцати часам Вася явился, правда, потерянный вовсе и опустошенный. Оказалось, что погиб его дружок Володя Рыбин, и надо было помочь молодой вдове и безутешной матери. Вася даже заикнулся было о замене, хотел пропустить рейс, взять отпуск, но дед замахал руками, стал кричать, что движок у них такой же старый, как у него, стармеха, собственный мотор, что без Васи, умеющего любую запчасть сделать не хуже чем на заводе «Вяртсиля», родителя «Вишеры», теплоходу полный зарез, а идут они в Южную Америку, океан впереди и так далее.

Дед так разошелся, что Васе стало его жалко, он оставил свою затею, Володю все равно не вернешь, а работать кому-то надо. К тому же заместитель директора совхоза Игорь Борисович Глушкин сказал ему, что и без него все сделают как полагается.

Нервничал и второй штурман Олег Давыдов, у которого не были подписаны коммерческие акты по какао-бобам, которые теплоход доставил в Ленинград из бразильского порта Ильеуса в прошлом рейсе. Акты надо было сдать в контору до отхода, а портовые хитрованы артачились, желая соблюсти собственный интерес. Но к обеду все уладилось.

В половине первого появились власти: медицинские, таможенные, пограничные. И из портнадзора, конечно.

Оформление отхода прошло без осложнений, вскоре прибыл на судно лоцман, буксиры отвели «Вишеру» от причала, и старый, но еще надежный теплоход из славной когда-то серии рысаков, отплававший более четверти века, медленно двинулся по Морскому каналу в Финский залив.

Отходная вахта пришлась на долю второго штурмана, но поскольку шли каналом до самого плавмаяка, который стоит на якоре за Кронштадтом у острова Толбухина, капитан Сорокин отпустил Олега в каюту. Все равно ему, капитану, положено находиться на мостике, а у парня документации накопилось до черта, надо подбить бабки. Ночью второму штурману стоять вахту, завтра вечером они войдут в Кильский канал, а в восемь ноль-ноль станут к причалу Гамбургского порта, куда агентская фирма минута в минуту подгонит вагоны с грузом для Южной Америки.

«Золото у нас, а не кэп, – размышлял Давыдов, спускаясь с мостика к себе в каюту. – Одно удовольствие с таким плавать...»

Около шестнадцати часов к Олегу заглянул судовой врач Борис Кунин. Это был атлетического сложения тридцатипятилетний мужчина, весельчак, балагур, знаток всяких там «соней», «грюндиков», «интерспейсов», магнитофонных приставок, колонок и всевозможных ансамблей.

Борис Кунин относился к второму штурману с особым чувством, поскольку обязан был ему жизнью. На стоянке в бразильском порту Сантус Олег в мгновение ока выхватил его из-под падающих из прорвавшегося стропа металлических бочек с химикатами. И Борис, увидев, что стокилограммовые штучки грохнули на то самое место, где он перед этим стоял с фотоаппаратом в руках, снимая на слайд живописную группу мулатов-грузчиков, понял, что избежал

смерти лишь благодаря завидной реакции дзюдоиста Давыдова. Кунин всегда симпатизировал Давыдову, а после этого случая проникся к Олегу, который был моложе его на восемь лет, чувствами старшего брата.

– Захожу на мостик, а тебя нет, – заговорил он, привычно улыбаясь. – Мастер говорит: не волнуйтесь, доктор, ваш приятель получил от меня тайм-аут. Можете навестить его в каюте, но при условии: на одну сигарету – он весьма занят. Поэтому дай мне прикурить, спалим по сигарете да пойдем пить чай. Уж против обязательного посещения кают-компаний даже кэп возражать не может.

Они закурили, и Олег, вздохнув, посмотрел на приличную еще пачку необработанных документов.

– Значит, в Ухгуилласун мы в этот раз не заходим? – спросил Борис.

– Так я тебе еще два дня назад сказал, что этот заход отменен. Новая фирма в Ухгуилласуне, с которой мы заключили контракт, вместо трехсот тонн груза зафрахтовала для нас более четырех тысяч. Куда нам столько! Вот пароходство и решило послать туда другое судно в балласте. Оно все и заберет, а мы топаем, дорогой Боря, в эту самую Фээргу, в бывший вольный город Гамбург.

– Фээргу так Фээргу, – согласился Борис. – Хотел я в Ухгуилласуне купить диски с новым концертом рок-группы «Секс-аут», говорят, уже появились в продаже. А на обратном пути у нас будет заход в Европу?

– Как сложится ситуация... Вполне возможно, что опять зайдем в Гамбург. Помнишь, там есть музыкальный магазин, двухэтажный? Туда и наведаешься... Пока мы сечем Атлантику туда и обратно, эти «Секс-аут» наводнят всю Европу.

– Разве что так... – Кунин погасил сигарету и встал. – Пойдем чай гонять.

II

Когда Олег Давыдов принял от третьего штурмана ночную, с ноля до четырех часов, вахту, «Вишера» уже вышла в Балтийское море. Погода была отличная, видимость – лучше не бывает, хотя по прогнозу были обещаны обложной дождь и туман, но их пока не было и в помине.

Сдававший вахту штурман сказал, что мастер недавно пошел прилечь и просил разбудить его, если обещанный туман появится.

– Вот тебе точка, брал по радиомаякам, слышно хорошо, – сказал он Олегу. – Только что гонял радар – впереди никого нет. За вахту обогнали три судна. В старушке «Вишере» пороку еще хватает, идем по пятнадцати с половиной узлов.

Третий штурман перенес с черновика записи за четыре часа в судовой журнал, пожелал Давыдову доброй вахты и ушел со сменившимся рулевым пить чай.

Едва третий покинул мостик, как появился Кунин.

– Привет полуночникам, – сказал Борис и легонько похлопал по плечу Давыдова, который стоял на крыле и в бинокль осматривал горизонт. – С первой в рейсе собакой тебя, Олег.

– Ну, не скажи, – возразил Олег, не отрываясь от бинокля. – В такую яснину, как эта, не назовешь вахту собачьей. Ты читал «Белые ночи» Достоевского?

Борис с любопытством глянул на Олега.

– Кино смотрел, – сказал он. – Станный ты парень, Олежка... Почти двенадцать лет плаваю, всяких штурманов насмотрелся, а такого не встречал.

– Какого? – спросил Олег.

– Ну, как тебе сказать... Чересчур начитанного, что ли... Твоя эрудиция выходит за рамки нормы. Тебе это не мешало в жизни?

– Сейчас нет, а вот в школе и мореходке – да. Погоди, Боря, я сейчас определюсь, возьму точку, и мы с тобой спокойно потолкуем.

Он надел наушники, настроил радиопеленгатор на один радиомаяк, потом взял второй, третий... Треугольника погрешности почти не было, и ложились линии так, что было видно: у предыдущего штурмана обсервация была на уровне. Олег вздохнул, он всегда испытывал облегчение и даже некую радость, когда сходились у него штурманские расчеты, поставил на курсе отметку определенного им места, надписал рядом на карте время и отсчет лага.

Выйдя на правое крыло, где стоял с сигаретой в руке Борис, довольно спросил:

– Ну и что ты хотел мне доложить по поводу моей эрудиции?

Олег Давыдов родился и вырос в Ленинграде и уже с самых первых, еще дошкольных лет не мыслил себе иной профессии, нежели морская.

Детство Олега было омрачено уходом из дому отца. Ему тогда не было и четырех лет. От долгих лет безотцовщины у Олега до сих пор сохранилось чувство некоей обделенности, хотя отец, десять лет пространствовавший по Сибири, Средней Азии и Дальнему Востоку в обществе женщины, которая и явилась причиной его ухода из семьи, вернулся к старому очагу. Мать приняла его, простила.

Отец, Василий Васильевич, безусловно, любил и Олега, и дочь Ларису, которая была двумя годами моложе Олега. Но его отцовское чувство болезненно смешивалось с комплексом вины, и он порой заискивал перед детьми или тушевался в их присутствии. Это вносило некую неловкость в отношения – всем становилось не по себе.

Когда Олег уже плывал штурманом, Василий Васильевич решил объяснить Олегу, почему он когда-то оставил семью.

– Видишь ли, – сказал он, – женщины бывают двух типов: хранительницы домашнего очага и спутницы. Твоя мама из первых, она истинно святая женщина... А мне хотелось свободы, хотелось полета... Вот я и полетел. Мне казалось, что обрел спутницу, только не знал: с возрастом осознаешь смысл и радость размеренного бытия. Блудный отец... Слава богу, твоя мама простила меня. А ты, сынок?

Олегу было жалко отца, но вдруг он пронзительно вспомнил, как в первом классе к нему подошла девочка с большим голубым бантом на светлых волосах.

– Меня зовут Валерия, – сказала она, – а мой папа капитан. Он из Африки вернулся. А твой папа откуда пришел?

– Мой папа нас бросил, – с вызовом произнес Олег, приученный матерью говорить только правду.

Девочка по имени Валерия удивленно посмотрела на него, потом удовлетворилась ответом и заскакала вокруг одноклассника на одной ножке, напевая:

– Бросил-бросил, папа бросил!

Олег в тот раз убежал из школы домой, оставив в классе ранец, и матери пришлось долго уговаривать его вернуться обратно.

Он рано научился читать и проглатывал бессчетное количество книг. Хорошая память удерживала почерпнутые из них идеи, мысли, разнообразную информацию, и Олег со временем приобрел пусть и разношерстные, но достаточно обширные знания, которые выделяли его среди сверстников.

На беду свою он обладал натурой, которая неудержимо заставляла его непременно поделиться прочитанным с окружающими. Чаще всего это воспринималось как попытка выделиться. К тому же в ребячьей компании ценят по другим меркам. И застенчивый, не очень общительный Олег сумел создать второго Давыдова, который умел при случае драться, легко заводил знакомство с девчонками, не боялся поспорить с учителем, а порой и поправить его к всеобщему восторгу класса.

В новом коллективе курсантов мореходки Олегу пришлось входить в роль парня несколько заумного из-за великого множества историй, которые он знал, но настоящего флотского товарища. Он первым бросался в бой за честь училища, был большим выдумщиком по части досуга, мог развлечь ребят, разыграв недалекого командира роты, у которого, впрочем, хватало соображения понять, что курсант Давыдов – завзятый нарушитель, и при удобном случае воздать ему за все его прошлые шуточки.

Олег хорошо понял, что имеет в виду Борис Кунин. Нет, он не считал себя выдающейся личностью. Морская служба шла у него хорошо, нравилась ему. Через четыре года работы в Балтийском пароходстве он стал вторым помощником капитана, это для их конторы, где судоводительских кадров было всегда в избытке, довольно быстрый путь. Но Олег чувствовал какую-то неудовлетворенность. Конечно, он стремится в капитаны и станет им непременно. А что потом? Этого он пока не знал.

Стремление к приобретению новых знаний привело Олега в университет. Он поступил на заочное отделение юридического факультета, решив, что профессиональное знание юриспруденции поможет ему осуществлять штурманские, а потом и капитанские функции.

Сейчас Олег перешел уже на второй курс.

– Зачем тебе это надо? – спросил Борис Кунин, продолжая затеянный им разговор. – Учти: спрашиваю не в осуждение, просто хочу проникнуть в суть твоих жизненных намерений.

– А зачем ты пошел в медицинский, а теперь вот плаваешь на «Вишере»?

– Хотелось увидеть белый свет.

– Шел бы в мореходку.

– Но ты ведь знаешь – я близорук.

– Верно... Прости, Боря. Что же касается университета... Ты понимаешь, мне все кажется, что я способен на большее... Меня переполняют некие силы, особая энергия, что ли, которые не находят выхода. Словом, живу я вроде вполнакала.

– Дуришь ты, парень, – засмеялся Борис. – Да у тебя даже хобби никакого нет... Значит, ты на своем месте.

– Да, я с сомнением смотрю на врача, который в свободное время мастерит радиоприемник, и на инженера-строителя, который все свободное время проводит с этюдником. Хотя, может, это и есть выход их особой энергии, а вот в чем он для меня – определить не могу.

– Где мы сейчас находимся? – спросил Борис.

– Взгляни на карту, – ответил Олег.

Как-то в рейсе Кунину не спалось, он пришел к Олегу на вахту, и тот от скуки стал объяснять другу азы «навигацкой» премудрости. Борис довольно быстро освоился с новым делом и теперь мог вполне сносно вести прокладку, делать обсервации.

Но посмотреть на карту Кунину не удалось. Едва он вошел в штурманскую рубку, как с левого крыла, где стоял вахтенный матрос, донесся крик:

– Ракета! Красная ракета!

III

Они вернулись в Кронборг только к обеду, побывав в совхозе «Синегорье», где уже оплакивали погибшего Володю Рыбина.

Колмаков, который был в гражданской одежде, держался во время первичного расследования как бы в стороне, тем более что он вполне мог сойти за представителя прокуратуры, которая всегда присутствует в случае обнаружения трупа при подозрении в убийстве.

Опросили сослуживцев Рыбина по гаражу, совхозного диспетчера, который выписывал ему путевку в Канельярви. Всем до единого бойцам студенческого строительного отряда пока-

зали для опознания фотографию неизвестного пока убийцы – он так и остался неизвестным, никто его в совхозе «Синегорье» не видел.

Уже пришла из Ленинграда справка: Ханжонкин Петр Елисеевич в городе не значится. Нашли кассиршу с Финляндского вокзала, которая подтвердила, что именно она выписывала сезонный билет до станции Ольгино, обнаруженный в кармане незнакомца, но вот кому выписывала – не помнит.

В час дня на место происшествия прилетели генерал Третьяков и начальник войск пограничного округа. После короткого совещания на месте группа вернулась в Кронборг, откуда Лев Михайлович уехал в Ленинград, напомнив майору Колмакову о том, что он должен обязательно разобраться с «бешеным бульдозером» на заставе имени Петра Игнатенко.

– Попробуйте рассмотреть эти события как звенья единой цепи, – сказал в заключение Третьяков. – Здесь явно один почерк. А вот что этот таинственный противник хотел нам «написать» – это надо думать. Обмозжьте все и с наших, и с пограничных точек зрения. Заодно побывайте на своей заставе.

На родной заставе Колмаков последний раз был два года назад. Там уже, конечно, новые парни, и командир с замполитом ушли на повышение, разве что остался прапорщик Никита Авдеевич Колов, бессменный старшина заставы № 1, который почти двадцать лет назад учил уму-разуму и Артема Логинова, и его самого, и Петра Игнатенко, которого давно уже нет в живых.

Для всех эта прекрасная белая ночь была трудной и бессонной, и Завалишин отпустил своего заместителя и гостя домой, наказав им пораньше лечь спать, чтобы со свежими головами выехать поутру на заставу № 1.

Артем жил на Приморской набережной, там, где кончался старый город, и за парком, который украшал живописный пруд, начинались двенадцатиэтажные башни новых жилых кварталов.

Настя, жена Артема, ждала мужа и гостя – стол в гостиной был почти накрыт. Она сразу же забросала Колмакова вопросами о Тамаре и Галине, и Николай, отвечая ей, ходил следом из кухни в комнату и обратно, пока Артем шутливо не прикрикнул на них: мол, успеете наговориться за столом – и потащил Колмакова на балкон – покурить.

– И что ты обо всем этом думаешь? – сразу же спросил он у Николая.

– Пока ничего определенного. Но шеф мой прав: один почерк. Более того, надо ждать новых происшествий.

– Не каркай, – Артем толкнул Николая в бок, – с меня и случившегося довольно.

– Что тебе известно о новой конторе в Скандинавии?

– Не больше, чем вам, Коля. Мы то и дело натываемся на следы ее деятельности, знаем, что где-то в окрестностях портового города Ухгуилласун действует организованная ею шпионско-диверсионная школа, которую они условно называют Ликеем, но вот под какой крышей упряталась сама фирма – увы... Это больше по вашей части, дружок.

– Нам только известно, что заправляет всем этим делом человек, хорошо знающий местные условия и свободно владеющий финским и шведским, – сказал Николай. – Видимо, собственный, скандинавский кадр. Доморощенный, так сказать.

– Этого явно недостаточно, – с сомнением покачал головой Артем. – Ну да ладно – о делах после. На заставе вдоволь наговоримся. Выезжаем туда в семь утра.

– Мужчины! – позвала Настя. – Руки мыли? Быстренько в ванную!

Едва уселись за стол, пришла Алена, дочь Логиновых, ровесница Галинки. Она тоже недавно окончила восьмой класс.

– Надумала, Аленка, куда пойдешь учиться? – спросил ее Николай.

– В девятый класс. А закончу школу, приеду к вам в Ленинград. Хочу в университет, на биологический, как мама.

– А как дела у Пети?

– Получили письмо – уезжает на сборы в Закавказский округ, – ответил Артем. Петр учился в Высшем пограничном училище в Подмосковье.

Из кухни появилась Настя с блюдом, на котором исходили ароматом цыпята табака.

«Не берут ее годы, – подумал, искренне любясь женой друга, Николай. – Ведь уже под сорок ей, а выглядит как старшая сестра Аленки...»

Логинов налил в бокалы легкого вина, Аленка – «фанты» из запотевшей бутылки. Все повернулись к портрету Петра Игнатенко.

– За тебя, Петро, – сказал Артем.

В этом доме так пили всегда. Первую рюмку – за Петра Игнатенко. И ничего странного в этом не было. Ведь Настя была прежде женою Петра, а курсант Петр Игнатенко, будущий офицер-пограничник, его сыном.

IV

Это кафе на улице Башмачников открылось недавно. Владельцы назвали его «Подворотней» и сделали не только питейным заведением, но и выставочным залом для вернисажей, на которых демонстрировались «шедевры» сверхмодного направления поп-арта, которое бойкие искусствоведы определили как гиперреалистическое.

На стенах кафе и в особой выставочной веранде, которая служила еще и залом для танцев, висели картины в тяжелых золоченых рамах барочного стиля. С обрамлением картин вопиюще контрастировало их содержание. Художники изобразили на холстах, так сказать, ультра-прозу жизни. Натурой для них послужили старые рваные башмаки, расплзшиеся женские чулки, кривые вилки, ржавые кастрюли, уличные бачки для мусора, корыта с грязным бельем, куски мяса с копошащимися в них червями, навозные кучи на крестьянских хуторах, общественные уборные снаружи и изнутри, дохлые кошки и никак не ожидавшие стать предметом искусства собаки, задирающие задние ноги у фонарных столбов.

В теплый и безветренный летний день за столиком на открытой веранде кафе сидели трое мужчин: один – лет пятидесяти, двое других – лет под сорок. Те, что моложе, были атлетически сложены, оба голубоглазы и белокуры, как и большинство жителей скандинавского портового города Ухгуилласуна, расположенного на северном побережье Балтийского моря, но жителями Ухгуилласуна эти люди не были.

Один из них, Майкл Джимлин, был кадровым американским разведчиком, сыном весьма состоятельных родителей, который поначалу счел разведывательную работу весьма забавной и щекочущей нервы, а затем так и остался в ней, превратившись из дилетанта в довольно опытного профессионала.

Сейчас Майкл числился помощником военного атташе в соседнем государстве, граничащем с Советским Союзом.

Второго звали Стивом Фергюссоном. Дипломатического паспорта у него, сотрудника ЦРУ, не было, но подданство он имел американское. Впрочем, по характеру нынешней работы Стив Фергюссон должен был быть свободно практикующим бизнесменом, это предоставляло известную свободу действий, хотя и не было так безопасно, как заниматься шпионажем, имея в качестве щита дипломатический иммунитет.

Настоящее имя Стива – Рутти Лаймесон. Отец у него наполовину швед, наполовину финн, а мать – русская графиня. Родился Рутти 19 сентября 1944 года и всегда считал этот день «черным днем» своей родины, ибо именно тогда Финляндия заключила перемирие с Россией и вышла из войны. С детских лет он впитал яд шовинистических проповедей, которыми его потчевал отец, Ивар Лаймесон, бывший командир разведывательно-диверсионного батальона финской армии, перебравшийся в сорок четвертом году в Швецию, чтобы избежать наказания

за содеянные военные преступления. Рутти Лаймесон стал достойным восприемником отца. И неудивительно, что в Центральном разведывательном управлении Рутти давно пользовался доверием и был на хорошем счету.

– Какое счастье, что здесь нашлась открытая веранда, – сказал третий в их компании, лысый, с подержанным лицом человек, невысокого роста, с наметившимся брюшком. – Сидеть среди этих, с позволения сказать, картин, значит, надолго отбить себе аппетит. Зачем вы затащили нас сюда, Майкл?

– Мои вашингтонские друзья, мистер Сандерс, прочли в «Нью-Йорк таймсе» об открытии этого кафе и попросили побывать здесь, – ответил, широко ухмыляясь, Майкл Джимлин. – Ведь я на той неделе лечу в Штаты. Вытащу оттуда приятелей на вечерок в «Подворотню».

– Для этого вовсе не обязательно было приглашать сюда нас, – проворчал Вильям Сандерс. – Я, конечно, понимаю, как работают для нашего дела все эти изыски в искусстве, музыке, в социальных движениях молодежи... Но, право же, если хочешь облить недруга грязью, вовсе ни к чему окунаться в нее самому.

– Но кухня здесь неплохая, мистер Сандерс, – примирительно сказал Стив Фергюссон. Он много ждал от предстоящего разговора – необходимо было убедить шефа принять его план прикрытия нового разведывательного учреждения.

Пока выбирали еду и напитки для обеда, Майкл Джимлин затеял разговор о философских и социологических актах насилия. Он закончил Гарвардский университет, написал и опубликовал несколько работ, в которых развивал идею природной агрессивности человека, и считался в своих кругах неплохим теоретиком. Когда необходимо было дать «интеллектуальное» обоснование какой-нибудь серьезной операции, его даже приглашали иногда на заседания Координационного совета ЦРУ.

– Вот вы сетуете на расширяющееся в Европе да и повсюду движение за мир, – сказал Майкл, обращаясь к Вильяму Сандерсу, поскольку Стив не любил разговоров на общие темы. – Но, мистер Сандерс, это вполне естественно. Борьбу за мир ведут люди, которые не уверены в том, что выстоят в схватке. Они пацифисты не от миролюбия, а от боязни насилия, на которое сами неспособны по разным причинам. А поскольку насилие разлито в нынешнем воздухе, он просто пропах насилием, от этого и всякие социальные выверты. Слишком долго мир живет без войны, человечество устало в ожидании хорошего кровопускания.

– Сегодня это палка о двух концах, – сказал Вильям Сандерс.

Он приехал в Ухгуилласун, чтобы на месте посмотреть, как идет создание новой резидентуры. Это сложное, требующее и хороших профессиональных навыков, и знания местных условий дело поручено было Рутти Лаймесону, а в помощь ему выделили Майкла Джимлина, который одновременно был и тайным соглядатаем за его действиями. Но для них обоим прямым шефом был Вильям Сандерс, поскольку он занимал должность заместителя начальника Европейского центра ЦРУ и отвечал в этом качестве за деятельность резидентур, расположенных в скандинавских странах.

– Двадцатый век – век сверхнасилия, хотя мы вот уже почти сорок лет живем в состоянии относительного мира, – продолжил Майкл. – Дух массового убийства пронизывает поры нашего общества. Он неизменно присутствует и в конфронтациях с русскими, и в превентивных мероприятиях нашей фирмы в Азии, Африке и Латинской Америке. Демографический взрыв и рост преступности, загрязнение окружающей среды и увеличение числа самоубийц хотя бы в Швеции – такой благополучной стране, которая воевала бог знает когда... Почему?

– Эта страна похожа на толстяка, обряженного в шелковые кальсоны фиолетового цвета, – сказал Стив Фергюссон.

– Странное у вас отношение к родине предков, – улыбнулся Майкл. – Ведь ваш дед был шведом...

– Вы плохо знаете мою родословную, – зло огрызнулся Стив. – Бабушка...

– Извините, Стив.

– На здоровье. А дед был финном, и отец – финн. И я тоже. Понятно?

– Вполне. А как же половина русской крови, которая течет в ваших жилах?

– Все равно я финн. И довольно об этом.

Майкл Джимлин пожал плечами и повернулся к Сандерсу.

– Мой коллега Роберт Ардри, разумеется, по прошлой профессии, написал как-то в «Лайфе» о том, что если рассматривать разнообразные проявления насилия в нашем безумном мире как выражение естественного порядка в природе и общественной жизни, то придем к выводу: наша судьба предрешена – мы конченные люди. Если не можем жить друг с другом и в то же время друг без друга, то род человеческий ожидает полное вымирание. Или, точнее сказать, самоуничтожение.

Подошел официант с подносом, и Майкл замолчал.

– Мне кажется, – сказал Вильям Сандерс, – что это связано с духовным и моральным истощением европейской цивилизации. В нее нужно влить новые силы. В этом долг Америки, ее миссионерская обязанность.

– В Америке стреляют чаще, чем в Европе, – заметил Стив Фергюссон.

– Самое интересное в том, – задумчиво произнес Майкл Джимлин, – что рост насилия обусловлен скачком всех форм цивилизации и культуры, хотя прежде насилие всегда ассоциировалось с низшими, первобытными культурами. Корифеи, утверждавшие, будто достаточно человека просветить и тогда он утратит природную агрессивность, ошибались. Оказалось, что все это не так-то просто.

– Давайте перейдем к делу, джентльмены, – предложил Вильям Сандерс. – Как я полагаю, у нас еще найдется время, чтобы послушать ваши весьма интересные умозаключения, Майкл. Но сейчас я хотел бы предоставить слово Стиву. Итак, ваши предложения по организации прикрытия нашего нового учреждения, мистер Фергюссон.

Стив отпил глоток вина из бокала, достал из пачки сигарету, прикурил ее от зажигалки.

– Когда мне поручили это дело, мистер Сандерс, – медленно подбирая слова, заговорил он, – то дали понять: работать новая резидентура будет исключительно против России и место ее интересов сосредоточено в основном на Карельском перешейке и в устье Невы, а также на противоположном берегу Балтики. Значит, подумал я, надо искать коммерческую фирму, которая имела бы деловые контакты с Советами. Сотрудники ее могли бы ездить по служебным делам к ним за кордон, а здесь, в Ухгуилласуне, мы могли бы беспрепятственно осуществлять агентурную связь с теми людьми, которых сумеем завербовать в будущем.

– Все правильно, Стив, – сказал Вильям Сандерс. – Продолжайте.

– И я нашел такую фирму. Это морская агентская контора, расположенная у самого порта на улице Редберген. Эвалд Юхансон, глава этой посреднической, брокерной фирмы, из рук вон плохо вел дела и сейчас пребывает на грани банкротства. Он даже хотел вообще избавиться от забот, продав дело. Я договорился с ним войти в долю на равных началах. Если вы одобрите идею, уже с завтрашнего дня становлюсь заместителем Юхансона по коммерческим вопросам. Я же буду отвечать за подбор новых сотрудников. Как мне стало понятно из разговоров с Юхансоном, он не прочь вообще переложить руководство фирмой на мои плечи, оставаясь лишь номинальным ее руководителем.

– Гм, – хмыкнул внимательно слушавший Майкл, – ведь это как раз то, что нам нужно!

– Фирма «Эвалд Юхансон и компания» обслуживает торговые суда ФРГ, Норвегии, Голландии и Польши, – продолжал Стив. – В обязанности ее входит организация фрахта, посреднические действия между грузоотправителями и судовладельцами, грузовые работы в порту, защита интересов агентируемых судов перед местными властями, проверка счетов, которые выставляют шипчандлеры за снабжение экипажей продуктами и техническими материалами. Словом, круг контактов весьма обширен.

Я побывал недавно в Гамбурге, Бремене, Антверпене, Копенгагене, изучал, как работают агентские фирмы, обслуживающие русские суда. Мое внимание привлекла деятельность фирмы «Рейнгольд Банге Брокер» в Гамбурге. Она работает с русскими, поляками, восточными немцами, китайцами и флотом Северной Кореи, работает уже двадцать лет... Репутация у фирмы лучше не надо. Русские высоко ценят ее деятельность, она устраивает им выгодные перевозки с высоким фрахтом. Если средняя стоимость перевозки тонны груза в Европе триста пятьдесят западногерманских марок, то «Банге» делает русским фрахт по пятьсот марок за тонну. Не забывают они и себя: работают с процента.

Если мы приберем к рукам Юхансона, то, развернув коммерческую деятельность, предложим наши услуги Советам. Это даст нам возможность легального общения с их капитанами и грузовыми помощниками, наши люди будут свободно бывать на советских судах... Одно это многое значит. Я не говорю уже, что такая фирма надежно прикроет нашу другую деятельность.

– Заманчиво, – сказал Вильям Сандерс. – А этот ваш Юхансон...

– Ни о чем не подозревает. Считает, что я ищу достойного применения собственным деньгам. Простоватый и ленивый швед. Любит получать кроны, но не любит делать их сам. Он ждет нас в конторе сегодня после обеда. Этот визит будет моим положительным ответом.

– Ждет «нас»? – переспросил шеф. – Что это значит?..

– Что вы представители банка, в котором открыт мой счет. Вы хотите лично убедиться в целесообразности сделки.

– Решено! – сказал Вильям Сандерс. – Заканчиваем обед и идем. Вы, Майкл, мой помощник, я – один из членов правления банка.

Когда уже приступили к десерту, Вильям Сандерс спросил у Стива:

– Если у вас пойдут коммерческие дела с русскими, вы ведь сможете получить приглашение в их страну. Мне известно, что они охотно приглашают к себе партнеров по бизнесу...

– Не исключено, – невозмутимо ответил Стив Фергюссон. – Только это вовсе не означает, что ехать надо обязательно мне.

– Да-да, конечно, – улыбаясь, сказал Вильям Сандерс, отправляя в тонкогубый рот ложечку с клубничным мороженым. – Ведь вы, Стив, чемпион по нелегальным проникновениям за русский кордон. Предпочитаете старый добрый способ?

– Скажите, мистер Сандерс, вы сами переходили когда-нибудь границу? – спросил Стив тихим голосом, укрощая вспыхнувшее бешенство. Чтобы не выдать себя, обуревавших его чувств, он всегда понижал голос.

– В этом не было никакой необходимости, дорогой Стив. Я всегда пересекал границу с американским паспортом в кармане. Понимаете? С американским... Жил я и в вашей загадочной России, которую вы несколько поспешно, на мой взгляд, объявили неприступной. Целых три года числился в штате нашего посольства, занимался делами, и, представьте себе, кэзэбисты так и не сумели меня на чем-либо подловить.

– А вы уверены в этом, мистер Сандерс? – усмехнулся Майкл, отпивая из стакана глоток виски. – Кэзэбисты и их методы работы – это такая вещь в себе, что трудно судить о них так запросто, как делаете это вы. Мой бывший шеф, Ральф Джексон, крупный специалист по восточным проблемам, всегда говорил мне: «Характерная черта русских, Майкл, – непредсказуемые действия. Русских нельзя вычислить!»

– И с такими убеждениями вы служите в нашей фирме? – сощурился Вильям Сандерс. – Вы воюете с русскими, не веря в нашу победу?

– Я верю, что русских можно и нужно сдерживать, – задумчиво ответил Майкл, глядя поверх голов своих собеседников. – А воевать с ними могу пожелать разве что злейшему врагу, если хочу его уничтожения. Что же касается моей лояльности, в коей вы как будто усомнились, то спросите о ней мистера Ларкина. И хватит об этом.

– Никто не сомневается, – буркнул Вильям Сандерс. – Но согласитесь...

– Не соглашусь! – хлопнул ладонью по столу Стив. – А я буду с ними воевать. У меня личный счет, которого нет и не может быть у вас обоих, господа янки!

– Едемте, джентльмены, – решительно поднялся из-за стола Вильям Сандерс и подал официанту, мгновенно возникшему около них, крупную долларовую купюру. – Такие разговоры на сытый желудок – явная провокация злокачественной опухоли. Едем!

За руль темно-синего «олдсмобиля» уселся Майкл Джимлин.

– В порт? – спросил он.

– В порт, – ответил Стив Фергюссон. – На улицу Редберген.

Портовый город Ухгуилласун, сочетавший в своем названии шведские и финские лингвистические элементы, располагался на берегах примыкающего к водам Балтики озера Фелар, которое специальным каналом соединялось с морским заливом. Берега озера с северной стороны были холмисты и покрыты густым лесом, который объявили недавно национальным парком, с южной стороны к нему подступали довольно крутые, обнаженные до скальных пород горы.

В городе, который распадался на три района, расположенных на трех островах, находилось около шестисот тысяч жителей. Северный остров вмещал так называемый Нормельм, лучший район Ухгуилласуна, отличающийся прекрасными площадями, фонтанами на них, прямыми улицами и роскошными зданиями. Почти не уступала ему и восточная часть города – Остермельм. А вот район Зюдермельм населяли малоимущие ухгуилласунцы, портовые грузчики, мелкие государственные служащие и служащие из морских агентских контор.

Контора Эвальда Юхансона занимала четвертый и пятый этажи семиэтажного здания из темно-красного кирпича, построенного еще в начале тридцатых годов. Но здание недавно модернизировали. В нем установили новый лифт, оновили интерьер внутренних помещений, его оснастили телетайпами, электронно-вычислительными машинами, канцелярской техникой. Не забыли и об электрических кофеварках.

В кабинете главы фирмы Стив Фергюссон представил Эвалду Юхансону Вильяма Сандерса и Майкла Джимлина как представителей банка. Длинноногая блондинка внесла на подносе коньяк, кофе и кока-колу, мужчины уселись в мягкие кресла вокруг низкого столика в углу под пальмой, закурили и начали вести деловой разговор.

Когда трое вышли из конторы Эвалда Юхансона, молча пересекли набережную и остановились у парапета, Вильям Сандерс резко повернулся и ухватил за локоть Стива Фергюссона:

– Молодец, Стив! Ваша идея с агентской фирмой просто чертовски хороша. Теперь у нас есть удобная нора, куда мы надежно упрячем нашего «Осьминога»!

– «Осьминога»? – спросил Фергюссон.

– Да, Стив. Наша новая резидентура, которую вы возглавите здесь, в Ухгуилласуне, будет закодирована словом «осьминог».

Этот разговор состоялся ровно за год до описываемых выше событий на границе.

V

– Ракета! Красная ракета! – крикнул вахтенный.

Олег Давыдов поднес бинокль к глазам и увидел на воде немного левее курса пока еще с трудом различимый предмет.

– Что-то случилось? – опросил вернувшийся из рубки на мостик Борис Кунин.

В это время в небо взвилась еще одна ракета.

– Подают сигналы бедствия, – сказал Давыдов и сдвинул рукоятку машинного телеграфа на отметку «средний ход». – Савельев! – крикнул он вахтенному матросу. – Быстро в каюту капитана! Попроси его подняться на мостик...

Второй штурман мог бы позвонить в капитанскую каюту по телефону, но почему-то захотелось послать за мастером вахтенного матроса, как в то старое доброе время, когда не было на кораблях ни телефонов, ни радаров, ни гирокомпасов, ни тем более спутниковых навигационных систем, и эхолотов не было тоже, а имелись только магнитный компас, ручной лот да хранящаяся теперь в музеях астролябия.

Когда капитан Сорокин появился на мостике, «Вишера» уже приблизилась к тому месту, откуда посылали ракеты, хотя второй штурман перевел рукоятку машинного телеграфа в положение «малый вперед».

Евгений Викторович приказал изменить курс, и теперь судно шло туда, где кто-то просил о помощи.

Снова взвилась красная ракета.

Уже было видно, что сигналы подают с низко сидящего на воде катера. На нем заметили, что «Вишера» замедлила ход и направляется к ним, и замигали с борта фонарем-ратьером.

– Точка-тире-тире... Точка-тире-тире, – читал Олег Давыдов. – Сигнал Уисни, товарищ капитан... «Мне требуется медицинская помощь».

– Вижу, Олег Васильевич, – отозвался Сорокин. – Доктор, приготовьтесь. Пойдете на шлюпке со вторым штурманом. На вахте вместо вас останется старпом. Объявляйте шлюпочную тревогу! Вот и повод устроить экипажу небольшое испытание. Действуйте, Олег Васильевич.

– Я на миг, – сказал Борис Кунин. – Только медицинскую сумку прихватчу в лазарете.

Раздалась звонки громкого боя, затем второй штурман несколько раз объявил по принудительной трансляции: «Шлюпочная тревога! Шлюпочная тревога! Экипажам шлюпок собратся на местах!» Спускать собирались, конечно, одну шлюпку, но, коль объявлена тревога, пусть вся команда проявит готовность покинуть в случае необходимости гибнущее судно, тут-то и выявятся недоработки в обучении матросов и мотористов хорошей морской практике.

– Готовьте к спуску все шлюпки, – распорядился капитан. – Пусть вываливают их за борт, посмотрим заодно, как работают шлюпбалки. А на воду – первый номер, на ней двигатель получше, не подведет, ежели что. Кого из механиков определили на движок, Гаврила Прокофьевич? – повернулся Сорокин к стармеху, который появился на мостике сразу после сигнала, будто и не спал в каюте, а сидел в соседней с мостиком радиорубке.

– А четвертого пошлем, – сказал старший механик. – Тем более что шлюпочные двигатели – его заведывание.

– И хорошо, – сказал капитан. – Да угомонитесь вы! Идем, идем на помощь... – Последние его слова относились к тем двоим, которых уже можно было различить на катере и которые по-прежнему через ровные промежутки времени запускали в небо ракеты, а теперь еще, когда «Вишера» была совсем рядом, принялись жечь красные фальшфейеры, которые тоже относились к бедственным сигналам.

Первую шлюпку вывалили за борт. Давыдов, Кунин, четвертый механик Миша Борзунович и два матроса заняли места, и по команде заработала электролебедка, опуская шлюпку на воду. Когда она коснулась поверхности моря, Давыдов, сидевший на корме, и Кунин, устроившийся на носу, сбросили шлюпочные гаки, с палубы «Вишеры» отдали фалини, матросы ловко их выбрали. Теперь шлюпка ничем не была связана с судном. Миша Борзунович включил двигатель, Олег повернул румпель, взяв курс на тех, кто просил о помощи.

На катере уже видели, что к ним идут, перестали подавать сигналы и теперь только размахивали руками.

Давыдов подвел шлюпку к катеру, и Кунин бросил с носа конец, который сноровисто поймал один из двух, находившихся на этом беспомощно покачивающемся на легкой зыби суденышке.

– Спасибо! – крикнул по-русски другой и сразу же показал на обтекаемой формы рубку, откуда, видимо, был вход в кубрик: – Там больной. Нужен доктор... Доктор!

– Есть доктор! – весело крикнул Кунин. – Сейчас глянем на вашего больного...

Тот, кто принял фалинь со шлюпки, подал руку, и Борис, забросив медицинскую сумку за спину, легко вспрыгнул на палубу катера.

«Чей он?» – подумал о катере Давыдов. Флага на катере по ночному времени не было, порта приписки Олег тоже не рассмотрел и названия на носу не увидел, там была только цифра – «389». «Военный? – прикинул Олег. – Похоже... Окрашен в серо-стальной цвет и номер на борту...» Смущала только синяя вязаная шапочка с красным помпоном на человеке, который сейчас пожал доктору руку и, открыв дверь рубки, знаком предложил ему туда войти.

Борис Кунин скрылся в рубке, следом вошел человек в вязаной шапочке, а другой неожиданно сбросил фалинь шлюпки в воду.

Второй штурман не успел еще ничего понять, как вдруг мощно взревел двигатель странного судна. Человек, сбросивший фалинь, в два прыжка достиг рубки и скрылся в ней.

Катер резко метнулся в сторону.

– Стой! – заорал остолбеневший Олег. – Стой! Куда!

А катер с места развил огромную скорость. Нос его вдруг приподнялся и вышел из воды, обнаружив подводные крылья.

– Что делает, гад! – закричал Олег, еще не уловивший до конца, какая трагедия разыгрывается на его глазах. – Миша! Запускай мотор! – Он даже не подумал о том, что его шлюпке не угнаться за этим скороходом, он в запальчивости думал только об одном: догнать этих типов и должным образом наказать за такие непотребные на море шутки.

Катер между тем не собирался уходить. Отойдя на три-четыре кабельтовых, он, заложив крутой вираж, лихо развернулся и помчался прямо на шлюпку, которая все еще стояла на месте, поскольку растерявшийся Миша Борзунович никак не мог завести двигатель.

– Назад! – крикнул Олег, вскочив на кормовую банку. – Назад! Что делаете, падлы...

Неотвратимое надвигалось на тех, кто был в шлюпке. Олег не мог еще осознать, что происходит. Страх у него не было, было злое недоумение и состояние лихорадочного напряжения, связанное с яростным ощущением и собственной беспомощности, и необходимости принять правильное решение.

Олег выхватил из-за пазухи ракетницу и выстрелил по катеру. Ракета хлопнулась о рубку и брызнула зелеными искрами.

Еще через мгновение катер ударил в борт шлюпки. Его форштевень пробил ее там, где стоял двигатель, и подмял под себя сразу умершего Мишу Борзуновича.

Оба матроса оказались в воде.

Олег Давыдов перед ударом катера по шлюпке собрался и, когда форштевень навис над ее бортом, изо всех сил оттолкнулся от кормовой банки, прыгнул вверх. Руки его достали до лееров ограждения палубы, он в немыслимом рывке подтянулся, забросил тело на катер, сила инерции швырнула его к рубке, штурман ударился о нее головой и потерял сознание.

Оставив за кормой обломки разрезанной пополам шлюпки, беспомощно качающийся на поверхности труп механика и барахтающихся в воде матросов, серо-стальной катер с бортовым номером «389» развернулся и, увеличив скорость, рванулся к надвигающейся с северо-востока полосе тумана.

VI

Когда в воскресенье утром Артем Логинов и Николай Колмаков прибыли на заставу имени Петра Игнатенко, они узнали, что бульдозер из пограничной зоны уже убран, а поверженный им забор восстановлен.

– Быстро вы со всем управились, – сказал Колмаков старшему лейтенанту Анатолию Звягину, который уже около двух лет командовал заставой.

– Застава не может жить с дыркой в заборе, – заступился за Звягина Логинов. – Мы зафиксировали следы, запротоколировали действия по осмотру окружающей местности. Все есть в деле...

– Я понимаю, – согласился Колмаков. – Тогда пошли глянем, где это происходило. Начнем со строительного участка.

– Воскресенье... Там сейчас никого нет, – сказал Звягин. – Кроме сторожа...

– После того случая строители стали охранять объект, – пояснил Логинов.

Втроем они побывали там, откуда начал странный путь бульдозера, посмотрели и на самого «виновника». Колмаков задал сторожу, пенсионеру из поселка при Синегорском целлюлозно-бумажном комбинате, несколько незначительных вопросов, на которые тот с готовностью ответил. О большем спрашивать старика не имело смысла, он работал в качестве сторожа всего второй день.

Потом вернулись на заставу, где их встретил прапорщик Колов, ветеран заставы, прослуживший здесь более двух десятков лет.

– Рад вас видеть в родных краях, Николай Иванович, – тепло приветствовал он Колмакова. Колов знал, что бывший его воспитанник стал чекистом, знал о его майорском звании, но гражданское обличье Колмакова позволяло внести в общение с гостем элемент некоей домашности.

– Опоздали мы на баньку, Никита Авдеевич, – сожалеючи сказал Колмаков. – Вчера небось застава мылась, в субботу.

– Это точно, – согласился Колов. – Парнишек я вчера пробанил... Но мы для вас особо истопим. Я, как товарищ старший лейтенант сообщил, что вы будете, занарядил ребят на дрова. Вот уже и затопили... – Старшина показал рукою на белый дымок, поднявшийся над приземистым, но просторным домиком. Баня стояла несколько на отшибе, между хозяйственным двором и коттеджами, в которых жил и сам прапорщик с женою и двумя детьми, и офицеры с семьями: начальник заставы, его заместители.

– Покормим вас обедом, покажем хозяйство, обойдем участок – и пожалуйста в парную, – продолжил Колов. – Так что по этой части полный будет у нас порядок...

С главной дороги, которая пересекала территорию заставы от ворот, ведущих в пограничную зону, до ворот, выводящих непосредственно к границе, за линию контрольно-следовой полосы, они свернули влево и подошли к обелиску, который стоял у могилы Петра Игнатенко.

На мраморной плите выбитую золотом надпись покрывали свежие цветы. Вокруг обелиска были посажены серебристые ели, за ними разбиты клумбы.

– Третьего дня приезжала Анастасия Михайловна, – тихо сказал прапорщик Логинову, но Колмаков расслышал его слова. – Днем все обиходила, а потом всю ночь просидела у могилы.

– Я знаю, – отозвался Логинов.

– Но мы сами тут следим, чтоб был всегда порядок...

– Спасибо, Никита Авдеевич, – дрогнувшим голосом проговорил Артем.

Обогнули новое двухэтажное здание, в котором жили воины-пограничники, располагалась дежурная часть, канцелярия, столовая с кухней, помещение для отдыха и комната для приезжих.

– Построились, значит, – сказал Колмаков. – А куда дели старый сруб? – Деревянное здание в прошлый его проезд еще стояло рядом.

– Разобрали и построили скотник, – сказал начальник заставы. – Теперь у Никиты Авдеевича пять коров...

– И четыре телка, – добавил Колов. – Свины, как всегда, на откорме. Теперь вот и кур собственных завели. Кроликов тоже... Хотите глянуть?

– А что? – сказал Колмаков. – Глянем...

Он знал, что подсобное хозяйство – законная гордость старшины заставы, что ему будет истинная радость, если гости посмотрят его буренок и чушек, кур и кроликов... Держать скотину – давняя традиция на границе. У Колова для молодых парней, несущих службу на свежем воздухе, каждый день меряющих ногами трудные приграничные километры, всегда и парное молоко от пуза, и картофель. Да и с салом. Помидоры, огурцы, капуста, брусника моченая, соленые и сушеные грибки, клюква никогда не переводятся. И самим хватает, и гостей попотчевать есть чем.

– Зайдете? – Старший лейтенант Звягин показал рукою на здание заставы. Напротив входа высился постамент с бюстом Петра Игнатенко, работы ленинградского скульптора Виктора Пронина.

– Потом, – ответил Колмаков. – Сначала обойдем границу. – Он смущенно улыбнулся: – Давно здесь не был. Тянет на родные места.

Но по дороге все же заглянули на скотный двор – посмотрели коров, телят, свиней, кур, кроликов. Все здесь было как у самого хорошего деревенского хозяина. Зашли и в собачий питомник.

В крайнем вольере сидел огромный черный кобель.

– Ремиз? – спросил Колмаков, вспомнив другого черного Ремиза, погибшего на боевом посту в одну ночь с Петром Игнатенко.

– Да, – ответил Звягин. – Внук того Ремиза. И уже есть щенок от него, тоже черного цвета. Наш Никита Авдеевич строго следит за традицией – на первой заставе всегда должен быть черный пес по кличке Ремиз.

Услышав свою кличку, Ремиз поднялся, подошел к решетке, внимательно посмотрел на Звягина, затем вопросительно глянул на новых людей и сразу отнес их к категории своих, ибо не уловил у начальника заставы и прапорщика чувства настороженности и беспокойства.

– Хороший пес, – похвалил Колмаков и пошел прочь от питомника.

Колов остался на заставе, а Звягин, Колмаков и Логинов вышли из ворот и оказались за линией контрольно-следовой полосы. Впереди была уже только сама граница – воображаемая разделительная линия, обозначенная с двух сторон столбами, отступившими от собственно границы на пять метров. Красно-зеленые столбики – наши, сине-голубые – финские... Тут уже не было сплошной заградительной системы, но в отдельных опасных с точки зрения возможного нарушения границы местах устанавливались и особая проволока, попав в которую нарушитель запутывался и терял время, и спираль Бруно, и незаметные непривычному глазу ниточки-паутинки, обрыв которых вызывал на заставе тревогу.

– Пойдем на вышку, – предложил Логинов.

– Помнишь наше первое с тобой бдение там?

– Помню, – ответил Колмаков. – Баня у вдовы Карьялайнен на том же месте?

– А что ей делается, бане? Стоит... Девчонки вдовы повырастали, повыходили замуж. По выходным приезжают. Уже собственных девчонок привозят.

– У старшей дочери два сына, – вежливо поправил Логинова начальник заставы. – Я подниматься не буду. Слишком много нас будет. С той стороны видно...

– Правильно, – одобрил Логинов. – Ждите внизу.

С двадцатиметровой вышки граница была как на ладони. Колмаков даже невооруженным глазом видел две линии столбиков, отсюда они казались игрушечными, домики финнов, живущих вдоль границы, – особой зоны на сопредельной стороне не было. Не имели соседи и контрольно-следовой полосы. Пограничная охрана у них только на одну треть состояла из солдат срочной службы, остальные были пограничниками-профессионалами, охранявшими границу по контракту. Пограничные функции были возложены и на финских егерей, живущих вблизи от разделительной линии. Государство предоставляло им льготы, выделяло участки для ферм,

пахотную землю, покосы. За это егеря должны были наблюдать за порядком на границе, сообщать о подозрительных лицах в ее зоне, обнаруженных следах, принимать участие в операциях, проводимых штатными пограничниками.

С наблюдательной вышки виднелись девять строений, обозначенных у советских пограничников номерами: от первого – домика вдовы Херты Карьялайнен до девятого – коттеджа егеря Яакко Юлли. Объект номер восемь – замок Хельяс, высившийся на лесистом холме.

Двое пограничников вели наблюдение в мощный бинокляр. Старший наряда ефрейтор Юрий Гвоздиков доложил Логинову, что на обозреваемом участке все в порядке, изменений в обстановке не зафиксировано. Только вот два часа назад на вышку соседей поднимались двое в штатском в сопровождении финского офицера-пограничника.

– А у нас только один штатский, – пошутил Логинов. – Понаблюдаем? – И он жестом пригласил Колмакова к окулярам.

Колмаков наклонился, и дом вдовы Карьялайнен разом приблизился к нему. Николай словно перенесся во двор этого дома.

Во дворе стояли две машины с хельсинкскими номерами. Возле одной из них возился высокий светловолосый парень в красной футболке с белыми буквами «РО» на груди и в линялых джинсах. На крыльцо вышла женщина в розовом платье и о чем-то спросила парня. Тот отрицательно покачал головой. Потом к нему подбежала выскочившая из кустов девочка, он провел рукой по ее золотистым волосам...

Николай Колмаков вспомнил, что когда-то дочери вдовы Карьялайнен были такими же, разве что чуть постарше, чем эта девочка. И сам он был другим, и Артем Логинов... Только вот Петр Игнатенко никогда уже не переменится, всегда останется таким, каким его помнят близкие и друзья, каким запечатлел его в бронзе скульптор Пронин.

Вот уже второй час парились они в бане, хлестали друг друга березовым веником, выходили отдышаться в предбанник, потом снова шли в парную, сидели, широко раскрыв рты, на полке у самого подволока.

Когда не торопясь одевались – разморенные тела требовали неспешных замедленных движений, – Колмаков спросил друга:

– Ты чем-то обеспокоен, Артем...

– Еще бы, – ответил Логинов. – Такие ЧП свалились на отряд. Обеспокоишься...

– Да нет, – возразил Колмаков. – Я о другом. Дома-то как у тебя?

– Ты же видел... Все нормально.

– А Настя?

– Что Настя? Ты же знаешь, Коля, мою беду... Нашу с Настей беду... Сколько лет уже с нею вместе, Аленке пятнадцать в августе будет, а назвать ее своей женой не могу. Не забывает она его...

– Мы все о нем помним, Артем.

– Да не в том смысле. Не понимаешь ты... Она продолжает считать себя женой Петра. Его женой! А не моей... – Логинов достал из кармана форменной тужурки сигареты, руки у него дрожали, прикурил только от третьей спички.

– Ну ладно, когда на нее накатывает, едет на заставу, возится с цветами у могилы, а потом всю ночь сидит рядом. Это ее долг – вечное поклонение его праху. Но ведь она не память о нем хранит, она любит его, как живого!

– А ты? – спросил Николай. – Ты кто для нее?

– Не знаю, – потерянно сказал Логинов. – До сих пор не знаю. Представляешь, каково мне... Ведь я-то люблю ее, Настю... И сына ее люблю, как родного. Ее же сын. Такие вот, друг Коля, дела.

«Наверное, не надо было тебе жениться на ней, Артем, – подумал Колмаков. – И он, и все мы надеялись, что горечь утраты притупится у Насти и она будет вновь счастлива в новом браке. Ан вот как повернулось... А что тут поделаешь?»

Колмаков понимал, что тут бесполезны какие-либо слова, и глубоко вздохнул.

Вечером Колмаков и Логинов побывали на боевом расчете, поужинали у начальника заставы, где был и прапорщик Колов с женою, Дарьей Антоновной, посидели с часок у телевизора, погуляли перед сном от одних ворот заставы до других, потом выпили у себя, в комнате для приезжих, чаю. Спать улеглись около полуночи.

А в половине второго Колмакова разбудил топот сапог над головой. Поначалу Николай не понял спросонья, где он и что с ним, потом прорубилась мысль: «Я ведь на заставе... И надо мною казарма. Бойцов подняли по тревоге...»

– Артем! – позвал он Логинова. – Ты слышишь?

– Слышу, – отозвался Артем. – Сработала система... Или еще что. Поднимаемся!

Быстро, но без суеты одеваясь, Николай вдруг подумал, что именно так начались события той самой трагической ночи.

Глава третья

I

Сэмюэль Ларкин, заместитель директора ЦРУ и член Совета национальной безопасности Соединенных Штатов, прилетел из Мюнхена в Ухгуилласун на стратегическом бомбардировщике американских ВВС, переоборудованном в комфортабельную летающую резиденцию специальной службы.

Раскрашенный под пассажирский лайнер гражданской авиакомпании «Америка – Эйр», которая существовала на самом деле и являлась негласной собственностью ЦРУ, самолет сел в международном аэропорту Хассельбанкен, но подруливать к зданию вокзала не стал, свернув на запасную стоянку.

Автомобиль уже ждал высокого гостя, и едва к огромному Б-52 подали трап, прямо к нижним ступеням подкатил черный «мерседес» Вильяма Сандерса. Поодаль остановилась вторая машина. Это был темно-синий «олдсмобил», из которого вышли Стив Фергюссон и Майкл Джимлин. Четверо парней из охраны, подъехавшие на несколько минут раньше, заняли вокруг самолета позиции.

И вот на трапе появился Сэмюэль Ларкин. Его сопровождали двое рослых телохранителей. Один из них ступил на площадку трапа первым, осмотрелся, сделал знак идущему следом шефу, что все спокойно, и пошел вниз впереди него. Второй прикрывал шефа сзади.

– Как долетели, Сэм? – приветливо спросил Вильям Сандерс и, зная, что мистер Ларкин любит простецкое обращение, обнял его, похлопал по спине руками.

– Спасибо, мой дорогой, все обошлось, – отвечал Сэмюэль Ларкин. – Пересекли океан и эту балтийскую лужу и, представь себе, ни разу не упали в воду...

Сандерс одобрительно засмеялся шутке Ларкина и подвел его к стоявшим поодаль Стиву и Майклу.

– Позвольте вам представить, Сэм, моих помощников в Скандинавии. Это Стив Фергюссон, а это...

– А это маленький шалунишка Майкл, – перебил его Ларкин. – Который во младенческом возрасте однажды описал мои любимые кремовые брюки! Здорово, Майкл! Твой старик передает тебе привет и бутылку настоящего самогона, который он до сих пор еще варит сам, наш добрый разбойник из Кентукки... Бутылку ты получишь вечером после совещания, чтоб не напился родным пойлом прежде времени.

Ларкин и Джимлин-старший были друзьями детства, окончили вместе один колледж и один и тот же, Гарвардский, университет, где изучали право. Оба начинали как адвокаты, а затем сработал принцип «каждому своё»... Отец Майкла занялся бизнесом, а его однокашник сделал карьеру в тайной политике.

– Рад с вами познакомиться, мистер Фергюссон, – протягивая руку и сменив ковбойский тон, с которым он только что говорил с Майклом, на учтивый и даже несколько чопорный, обратился Сэмюэль Ларкин к Стиву. – Мне доводилось встречаться с вашим отцом, Иваром Лаймесоном... Кстати, здесь, в этом городе, в сорок шестом году. Он был нашим большим другом, ваш отец, и мне особенно приятно, что такое чувство по отношению к моей стране стало в вашей семье наследственным. Впрочем, теперь вы мой соотечественник, американский гражданин, мистер Фергюссон, и я горжусь тем, что вместе со мной и моими друзьями сын Ивара, бескомпромиссного противника Советов, участвует в совместной борьбе против красной агрессии.

Сэмюэль Ларкин произнес эту мини-речь, не выпуская руки Рутти Лаймеса из своей ладони, затем потряс ее и освободил, наконец, со значением оглядев торжественные под стать минуте лица Вильяма Сандерса и Майкла.

– Мой отец боготворил Америку, – сказал Стив. – Он умер, когда мне было только двенадцать лет, но я помню, как он говорил, что именно ваша страна, мистер Ларкин, спасла мою родину от вторжения русских и оккупации в сорок четвертом году.

– Об этом мы поговорим позднее, мой мальчик, – мягко остановил его Сэмюэль Ларкин. – Обсудим наши дела, а потом трахнем по рюмочке того пойла, что я приволок славному парнишке Майклу от его старого папаша... Если Майкл не выдует этот галлон самогона в одиночку. Ха-ха!

Мистер Ларкин набросил на себя очередную маску, подхватил под руки Стива и Вильяма Сандерса и потащил их, раскатисто заливаясь смехом, к черному «мерседесу».

– Наше ведомство и лично господин президент придают особое внимание вашему региону, коллеги, – сказал Сэмюэль Ларкин, когда Вильям Сандерс официально представил его резидентам ЦРУ в скандинавских странах, собравшимся на вилле «Вера крус», находившейся в двадцати милях восточнее от города Ухгуилласун.

Официально вилла принадлежала аргентинскому скотопромышленнику, выходцу из Финляндии, который построил на берегу живописной бухты трехэтажный дом, а скорее замок, чтобы иногда отдохнуть от южноамериканской пампы в прохладе родного края. Но практически владелец на вилле «Вера крус» не бывал, он нес свой «истинный крест»¹ совсем в других местах, а виллу сдавал в аренду. За нее на его банковский счет Центральное разведывательное управление анонимно переводило весьма крупные суммы.

Около года назад, когда резидентура, зашифрованная словом «Осьминог», начала действовать, в «Вера крус», помимо тайного штаба, была развернута шпионско-диверсионная школа, где началась подготовка агентуры для заброски в Советский Союз. Но к моменту приезда Сэмюэля Ларкина и скандинавских резидентов на совещание на вилле кроме охраны и вышколенной прислуги никого не было – обучающиеся в школе были вывезены на летние сборы на север, в Лапландию, и теперь под руководством опытных инструкторов тренировались там на выживание в суровых условиях арктических районов – школа готовила специалистов, способных после высадки их с подводных лодок выдержать испытание Севером и просочиться оттуда в южные районы Советского Союза.

– Мы сумели добиться своего и разместили новое оружие в ФРГ, Англии и Италии, – продолжал Сэмюэль Ларкин. – Этот наш ответ на появление у русских противоракетных систем, к сожалению, не был безапелляционно принят всеми членами НАТО. Что касается скандинавских стран, то здесь дела вообще из рук вон плохи. Датчане и норвежцы всячески стремятся уйти от выполнения северо-атлантических обязательств. Да еще Швеция и Финляндия с их политикой нейтралитета... Особенно нас беспокоит Финляндия. Недавний визит в Москву президента Мауно Койвисто, объявившего себя продолжателем линии Паасикиви – Кекконена, продление с русскими Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи тысяча девятьсот сорок восьмого года уже на третий двадцатилетний срок, до двух тысяч четвертого года, пацифистские идеи финнов, и особенно их предложение по созданию в Северной Европе безъядерной зоны – все это беспокоит Вашингтон и Лэнгли², внушает вполне очевидные и серьезные опасения.

Чтобы победить противника, надо действовать единым фронтом. И вот этот левый, северный фланг европейского фронта борьбы с проникновением красной опасности оказался у нас с вами, коллеги, самым слабым. Гласность в России в связи с перестройкой обязывает нас к тому,

¹ Игра слов. «Вера крус» означает в переводе с испанского «Истинный крест». – *Здесь и далее – примеч. авт.*

² В Лэнгли (пригород Вашингтона) находится штаб-квартира ЦРУ.

что наша тайная служба должна быть еще более тайной. Мы должны помнить слова Фридриха Второго: только та армия выигрывает сражение, впереди которой движутся сотни ее шпионов. Мы живем с вами в такое время, когда армии не воюют. Воюем мы! От нас теперь зависит судьба американской мечты. И одна из наших боевых, я не боюсь этого слова, именно боевых задач заключается в том, чтобы дестабилизировать дружеские отношения между Финляндией и Россией.

Сэмюэль Ларкин умолк и пристальным взглядом обвел лица внимавших ему резидентов.

– Тем более, – заметил Майкл Джимлин, – что в сентябре нынешнего года исполняется сорок лет с того дня, как финны отшатнулись от Гитлера и помирились со Сталиным. По имеющимся у меня сведениям, в обеих странах готовятся отметить это событие с большой помпой. Они намерены расширить объем торговли до двадцати восьми миллиардов рублей. Русские в городе Раха собираются строить для финнов коксовое производство, расширять сеть газопроводов, увеличить экспорт природного газа и других энергоносителей, в том числе и атомных, а финны обещают русским новый целлюлозно-бумажный комбинат в Кронборге, совместное проектирование атомного суперледокола, строительство крупного комбината по переработке леса в Марийской Республике.

– Почему именно там? – спросил Джон Ламберт, гость из Копенгагена.

– Общность языка, – пояснил Вильям Сандерс. – Марийский и финский языки относятся к одной группе: финно-угорской...

– Так же как и эстонский, – добавил Майкл Джимлин, – и языки некоторых северных народностей России. А еще венгерский... Как видите, господа, Финляндия привязана к Советам не только экономически. Вопрос об их взаимоотношениях далеко не простой.

– В нашей работе не бывает простых вопросов, Майкл, – сказал Сэмюэль Ларкин. – Как бы там ни было, надо постоянно сеять недоверие между соседями. Поэтому я всячески приветствую деятельность недавно созданной резидентуры «Осьминог», которую возглавляет коллега Стив Фергюссон. Мероприятия «Осьминога», направленные на создание нервной обстановки на границе русских и финнов в районе Карельского перешейка, полностью одобрены руководством ЦРУ. Продолжайте в том же духе, друзья! Более того, надо расширить диапазон ваших действий. Изучайте границу в Карелии, на Кольском полуострове, особенно в районе Петсамо – Печенга. Договоритесь, пользуясь тем, что встретились здесь, с коллегами из Норвегии о совместных действиях. Вам, мистер Джимлин, как политическому советнику нашего посольства в Гельсингфорсе, необходимо активизировать выступление правых журналистов в печати за отмену договора между финским и советским правительствами о взаимной выдаче перебежчиков, как противоречащего духу Заключительного акта, самому принципу защиты прав человека.

Коллеги Сандерс и Фергюссон! Все пограничные конфликты надо провоцировать так, чтобы вина за них ложилась на финские власти. Русские никоим образом не должны догадываться или иметь в руках доказательства того, что все идет отсюда, организовано вами и вашими людьми. В свою очередь, финны, не знающие за собой вины, будут раздражены необоснованными претензиями Союза. А выигрываем от этого мы с вами... Более того, неурядицы на границе отвлекут русскую контрразведку от тех оборонных объектов, которые появились в поле нашего зрения и к которым мы обязаны проявить самое пристальное внимание. Но об этом поговорим отдельно.

Сэмюэль Ларкин сделал небольшую паузу и продолжил:

– Господа! Перефразируя известную поговорку, я скажу вам: когда молчат пушки, воюют идеи. По-прежнему в арсенале нашей борьбы против распространения коммунистического духа должны оставаться деидеологизация, нравственное разложение молодежи Советского Союза и социалистических стран. Только не переоценивайте моральную стойкость русских! Их собственная пресса ежедневно публикует материалы, которые говорят об опасности духовного

обнищания отдельных граждан, их деморализации, о массовости явления, которые они назвали «вещизмом», о потребительской сущности житейской философии новых советских мещан. По целому ряду причин, которые сейчас тщательно исследуют наши эксперты-социологи, в России немало отдельных индивидов и даже социальных групп, материальные претензии и стремления которых превосходят возможности существующей в настоящее время советской общественной системы. Их запросы мы должны всячески разжигать, пропагандируя в книгах, кино, радиопередачах западный образ жизни, наш стиль поведения личности. Революция нарастающих потребностей – вот тот троянский конь, который мы должны подбросить Советам!

Мне докладывали в Мюнхене, как толково работает в портовых городах Западной Европы торговая фирма «Монтана». Ее магазины с вывеской по-русски «Товары для моряков» – повсюду! Фирма методично и целенаправленно продает русским морякам товары с американской символикой. Джинсы, майки, юбки, вельветовые брюки и платья, поясные ремни – все у этой фирмы с изображениями нашего национального звездно-полосатого флага или государственного герба Штатов. Товары в ее лавках гораздо дешевле тех, что продаются в фирменных магазинах Антверпена, Роттердама, Гамбурга, Бремена и других городов, поэтому клиентура не иссякает... Дело доходит до того, что даже работники советских представительств ездят за десятки километров в портовые города, чтобы купить там монтановское барахло, сами носят наши звезды и полосы и родственникам в Россию везут.

Из России сообщают, что русскую столицу, Ленинград, Одессу, Ригу, Таллин и другие города заполнили товары с американской символикой. В Ростове-на-Дону молодые ребята щеголяют в форме американской морской пехоты. В Свердловске налажено частное производство вязаных шерстяных джемперов, стилизованных под американский флаг. Монтановские изделия продают и в московских валютных магазинах «Березка». Русские за джинсы американского производства переплачивают спекулянтам сумасшедшие деньги. Это ли не наша победа, господа?!

Присутствующие заплотировали. Сэмюэль Ларкин снял большие роговые очки и стал медленно протирать их клетчатым платком.

– Признаться, – сказал Вильям Сандерс, – находясь в Москве, я никак не мог понять причину такой извращенной любви русских ко всему иностранному. И до сих пор теряюсь в догадках. Некий психологический феномен.

– К сожалению, феномен этот распространяется не на всех русских, – возразил Майкл Джимлин. – А произошел он от долгих лет бедности, в которой жила страна, от плохого качества товаров первой необходимости, от вполне понятной политики большевиков, которые создавали прежде всего тяжелую и оборонную промышленность. Кроме того, в «вещизме» и в преклонении перед иностранным клеймом на заднице – серьезные просчеты их идеологических институтов. Нам просто грех было бы этим не воспользоваться.

– И вот что глубоко симптоматично, – заговорил опять Сэмюэль Ларкин. – Скажите мне, господа, вы можете себе представить, чтобы в канун Второй мировой войны русские парни носили на одежде нацистскую свастику, хотя СССР заключил тогда с Германией пакт о ненападении? Это невозможно даже в воображении. А наш флаг, нашего орла носят! Пластинки с записями американских ансамблей расходятся на черном рынке по бешеным ценам. Многочисленные молодежные оркестры исполняют нашу музыку, длинные волосы и бритые виски пришли к ним с нашей стороны... Нам, по сути, остается только расширять и разнообразить работу. Поэтому в фирмах, где вы работаете, русские должны получать дорогие подарки. Не скупитесь на средства! Расходы на них мы вам возместим. Но подарки, естественно, пусть вручают гостям официальные хозяева. Советским людям, находящимся за рубежом, не рекомендуется принимать ценные подарки от кого бы то ни было... Так ведь берут! Кто мог бы подумать в двадцатые, тридцатые и в сороковые годы, что советский торговый представитель будет

за взятки заключать невыгодный для своей страны контракт?! А сейчас это бывает, они сами пишут в газетах о таких случаях.

К сожалению, русские власти в семьдесят восьмом году запретили морякам торгового флота покупать беспошлинно подержанные автомашины иностранных марок. Эта возможность материального воздействия на нужных нам людей отпала. Но моряки могут покупать за рубежом машины советских марок. Используйте это! Действуйте через агентские фирмы брокеров и шипчандлерские конторы! Не скупитесь! Давите русских нашим богатством, нашей щедростью, наконец... Мы с вами взрослые и хорошо информированные люди, мы понимаем, что ядерная война – палка о двух концах. Поэтому мы, разведчики, должны развернуть против Советов широкое наступление на их моральные, духовные устои. Символика Соединенных Штатов уже завоевала Москву! Не будем переоценивать случившееся – пока она только на задницах советских людей, но это непреложный факт. Пусть маленькая, но победа! Больше таких побед, коллеги, и мы взорвем Россию изнутри!

II

Когда забрезжило вдруг сознание, Олегу Давыдову показалось, будто летит он в самолете, и в этом первом ощущении был резон. На катере с бортовым номером 389, уносившем его от родного судна в неизвестность, стоял авиационный двигатель. Сознание вернулось к нему вдруг разом, он все вспомнил.

Не двигаясь и не открывая глаз, он лихорадочно прикидывал обстановку, оценивал сложившуюся ситуацию, инстинктивно чувствуя, что пока для вида лучше оставаться в беспомощном состоянии.

«Кто они? – думал Олег. – Что им надо?... Пираты на Балтике? Чушь какая! А что с Борей? Где он? Я должен...»

Олег стал внутренне собираться с силами, чтобы подняться – вибрация катера все еще мучительно отдавалась в голове, – хотел открыть глаза, как вдруг услышал английскую речь. Говорили двое.

– Видите, он еще не очухался. За борт его, и делу конец. Лучший свидетель – мертвый свидетель.

– Еще раз вам говорю: этот парень спас мне жизнь, и я не позволю укокошить его за здорово живешь. Вы, Рекс, обязаны выполнять мои указания. Не так ли?

– Совершенно верно, сэр. Я всего лишь хотел вас предостеречь...

– Ладно, оставим это. У него, видимо, сотрясение мозга, ударился головой о рубку...

«Так ведь это же Борис, – узнал Олег голос Кунина. – Что же это? Он говорит здесь как старший... Как же так...»

Неожиданное открытие так поразило, что Олег дернулся и непроизвольно застонал.

– Видите, – сказал Кунин. – Я был прав... Придем на место – сделаем рентгеноскопию.

– Не знаю, – с сомнением проговорил второй голос. – Не думаю, чтобы это понравилось шефу.

– Заткнитесь! – оборвал его Кунин. – Вы мне надоели!

Олег почувствовал, как на лоб ему легла рука. Борис по-русски участливо спросил:

– Как ты себя чувствуешь, Олег? Ты слышишь меня? Олег!

Давыдов застонал, на этот раз нарочно. Он еще не понял до конца, в какой роли выступает здесь, на этом загадочном катере, их судовой врач, но то, что ему нельзя доверять, в этом он уже не сомневался.

«Надо тянуть время, – подумал он. – Ведь мы идем к берегу. Там будет видно, как поступить. А пока лучше быть беспомощным...»

В это время кто-то третий приоткрыл дверь в каюту, крикнул:

– Уже подходим!

Самолетный рев сразу стал глуше: двигатель сбавил обороты.

– Присмотрите за ним, Рекс, – сказал Кунин. – Я пойду в радиорубку – свяжусь с берегом. Надо предупредить шефа.

– Обрадуйте, обрадуйте его, – проворчал Рекс.

Через несколько минут ход катера упал до малого, видимо подходили к причалу, потом двигателю дали реверс, катер задрожал от заднего хода, и все стихло.

Вошел Кунин, легонько потрепал Олега, взяв рукой за плечо.

– Ты можешь идти, Давыдов? – спросил он.

Олег с видимым усилием открыл глаза, бессмысленным взглядом обвел подволок каюты.

– Где я? – хрипло прошептал он.

– Парень еще не в себе, – проговорил Рекс.

– Помолчите! – сказал Кунин. – Помогите ему подняться...

Вдвоем они поставили его на ноги, и Олег почувствовал: немного кружится голова, но в основном он уже в норме. Но он снова вполне натурально застонал и правдоподобно изобразил, будто валится в сторону.

Рекс поддержал его.

– Идти сможешь, Олег? – спросил Кунин.

Давыдов не ответил, потом неуверенно ступил вперед.

– Дойдет, – сказал Рекс, поддерживая его слева.

Они помогли ему выбраться на палубу, и там Олег будто невзначай вскинул голову, огляделся.

Слева виднелся порт, заставленный кораблями. Здесь же, где они пришвартовались, была, видимо, стоянка для личных яхт и катеров. Часть их болталась на рейде на якорях, другие стояли у причала. Их 389-й находился у небольшого пирса, отходившего от основного причала. Катер стоял с правой стороны пирса. Справа располагался и город, выступал в море поросший лесом полуостров, который заканчивался скалистым мысом с полосатой черно-белой башней маяка.

«Маяк на мысе Грувбакен! – узнал Олег. – Сигнальные огни белые, группопроблесковые. Так это же Ухгуилласун!»

Он вдруг вспомнил, как настойчиво спрашивал Борис о заходе сюда, скрипнул зубами.

– Помогите парню подняться на причал, – приказал Кунин тому типу, который сбросил тогда фалинь шлюпки в воду. – Я рад вас видеть! – крикнул он тем, кто стоял наверху, махнул им рукой.

Рекс ступил на трап, наклонно соединяющий низкий катер с пирсом, и потянул штурмана за собой. Еще один из экипажа катера поддерживал его со спины.

Давыдов ступил на трап и зашатался, будто теряя равновесие.

– Осторожнее! – крикнул Кунин.

Олег увидел, что пирс устроен на сваях, которые высовываются на полметра из воды. С другой стороны стоят бок о бок яхты. Значит, если...

Он перестал шататься и поднял ногу, будто собираясь ступить на следующую перекладину трапа. Затем неожиданно резко рванул Рекса на себя и, когда тот полетел мимо него вниз, ударил его ребром ладони в шею. Одновременно носком левой ноги он поддал второму проводятому, угодив тому в солнечное сплетение. И в то же мгновение сам спрыгнул ногами вперед в небольшую щель между бортом катера и причалом.

Почти одновременно с ним в воду упал оглушенный ударом Рекс.

III

Хотя Логинов и Колмаков споро натягивали на себя одежду, а все равно прежде бойцов-пограничников не успели... Машина с тревожной группой уже отъезжала от заставы, когда подполковник и майор вышли на крыльцо, пристроенное к южному торцу служебного здания. Утешало только то, что не дали застать себя в постелях, откуда их собирався, судя по всему, поднять прапорщик Колов. Он как раз подходил к ним от главного подъезда.

– А я к вам, – сказал Колов – Начальник говорит: пусть спят, они гости. А я в ответ: век мне не простят, если не разбуду, ведь это с нашей заставы ребята.

– Сработка? – спросил Логинов.

– Как сказать... Устный сигнал сержанта Паршина от поста РЛС. Что-то они там обнаружили... Дежурный решил поднять заставу в ружье. На реке это – там, где разрыв системы, напротив второй заставы.

Колмаков помнил это место. Государственная граница пересекала Мууксу поперек. За рекой уже был участок заставы № 2. Забор и контрольно-следовая полоса подходили к реке вплотную и обрывались, чтобы вновь появиться уже на левом берегу. Ночью и в туманные дни здесь нес дежурство пограничный наряд, вооруженный переносной радиолокационной станцией, она щупала лучом поверхность реки, исключала возможность пересечения границы по воде.

– Мы туда, Никита Авдеевич, – сказал Логинов. – Выдели нам кого из старослужащих...

– Сержант Медяник, – сказал Колов, – он пойдет. Я бы и сам, но там уже старший лейтенант, мне надо находиться здесь.

– Все правильно, товарищ старший прапорщик, – улыбнулся Логинов. – Мы с майором вроде не разучились ходить по дозорной тропе. Сержант готов?

– Вот он, – показал Колов на выросшего вдруг будто из-под земли рослого парня в пятнистой камуфлированной одежде, таком же берете, с автоматом на плече. – Доведет по тропе до самого фланга. Пароль – «Орша», отзыв. – «Отсекатель», товарищ подполковник.

– Спасибо, Никита Авдеевич, – не по-уставному ответил Логинов. – Тогда мы двинули... Идите впереди, сержант, майор за вами, я – замыкающий.

Они подошли к воротам, выходящим на охраняемую территорию, но за сигнальную систему и контрольно-следовую полосу, которые ночью всегда замкнуты и, как ловушки, находятся настороже, заходить не стали, а свернули направо, где вдоль последнего на границе забора шла дозорная тропа. Собственно говоря, это была не тропа, а две довольно узкие, в десять-пятнадцать сантиметров шириной, уложенные рядом доски. Идти по ним без навыка было трудно, и Колмаков не раз мысленно чертыхнулся, попадая то одной, то другой ногой в летней туфле в сырую жижу, едва прикрытую скудным карельским мхом. Он было подумал, что зря не надел принесенные вечером Никитой Авдеевичем камуфлированную одежду и резиновые сапоги, но, вспомнив, что Артем, этот бывалый пограничник, и тот сплеховал, тоже балансирует сейчас в ботиночках на досточках, развеселился и, как ни странно, стал лучше держать равновесие.

Они уже были, по расчетам Колмакова, неподалеку от РЛС-поста, как вдруг в темноте раздался негромкий, но уверенным голосом произнесенный вопрос:

– Стой! Кто идет?

– Орша, – так же негромко ответил сержант Медяник.

– Отсекатель, – прозвучало из темноты.

Как ни старался Колмаков, не мог разглядеть впереди замаскировавшегося пограничника. И так и не разглядел бы, если бы парень, окликнувший их, не появился на тропе сам.

Увидев за сержантом заместителя начальника погранотряда, парень доложил, что он – рядовой Нечитайло, оператор радиолокационной станции, что старший расчета сержант Паршин и начальник заставы находятся на седьмом участке.

«Там забор подходит к реке, – вспомнил Николай. – А скакали мы по досточкам вдоль восьмого, девятого и десятого участков правого фланга...»

Он с внутренним удовлетворением почувствовал вдруг, как пришло к нему сейчас особое ощущение границы, это непередаваемое словами чувство, которое знакомо только пограничникам. Николай Колмаков любил границу. Он знал, что именно она сделала его таким, каков он есть.

– Товарищ подполковник, – сказал подошедший начальник заставы Звягин, – пока все тихо...

– Что же здесь было? – спросил Логинов

– Сержант Паршин, доложите, – приказал Звягин.

По словам старшего наряда выходило, что рядовой Нечитайло услышал шум двигателя. Похоже было, что стрекочет лодочный мотор. Видимость была неважная, только часть реки просматривалась визуально. На экране радиолокационной станции никаких отметок не возникало, но шум мотора то появлялся, то вдруг разом стихал. Семен Паршин сообщил об этом дежурному по заставе, а тот предупредил соседей за рекой, вторую заставу.

– Как это шум «разом стихал», – спросил Логинов. – Тише становился?

– Нет, совсем отрубался, товарищ подполковник, – пояснил Паршин. – Ну, будто мотор выключали. А потом...

Рядовой Нечитайло добавил, что видел в небе тень. Он обратил на нее внимание сержанта, но тот ничего не заметил.

– Совсем ничего, Паршин? – спросил майор Колмаков.

– Как вам сказать, – замялся сержант. – Вообще, что-то мелькнуло, но мне думается – это сова или летучая мышь.

– Летучие мыши здесь не водятся, Паршин, – сказал Логинов. – А вот сова... Что на второй заставе?

– На воде они ничего не обнаружили, – ответил Звягин. – А вот шум мотора слышали.

– Значит, шум мотора, тень в небе, а на воде ничего, – проговорил Логинов. – А что это за огонек там наверху?

– Это на крыше замка Хельяс, товарищ подполковник, – пояснил начальник заставы. – К старику-хозяину неделю назад приехали гости, и он зажег все фонари в усадьбе. Это горит огонь на мачте с флюгером. Вот уже несколько ночей горит.

– Я не читал об этом в сводках об изменениях на границе, – тактично заметил Логинов, и все же окружающие явственно ощутили, как смутился начальник заставы.

– Мы не придали значения... – объяснил он.

– Потом поговорим, – мягко остановил его Логинов. – Усильте наблюдение на этом участке, предупредите вторую заставу. Это приказ. Возможно нарушение воздушного пространства. Впрочем, не исключено, что оно уже состоялось. Смотрите в оба, парни. И не только на воду.

Он подошел к Семену Паршину и взял его за локоть.

– Это не сова, сержант, и не летучая мышь тем более. Над вами летал дельтаплан с небольшим моторчиком, по шуму вы приняли его за лодочный двигатель. А огонь над крышей замка – ориентир для него. Такие вот дела... Поощрите рядового Нечитайло, товарищ старший лейтенант. А теперь быстро на заставу. Мне нужно позвонить начальнику отряда. Пошли, Николай Иванович.

В той же последовательности – начальник заставы задержался на посту – они двинулись в обратный путь по дозорной тропе. Колмаков приноровился к тропе, почти не оступался.

«Еще пару ночей побегать по досточкам, и буду вовсе бравый пограничник, – подумал он, улыбаясь в темноте. – Почти такой же, каким я был тогда».

Едва он вспомнил о том времени, как память услужливо развернула перед ним роковые события никогда не забываемой тревожной ночи.

IV

Тогда их обнаружил черный Ремиз. Ему же и досталась первая пуля из пистолета одного из двух нарушителей, остановленных Петей Игнатенко.

Игнатенко был на два года старше Николая и Артема, но Петру дважды выходила отсрочка по семейным обстоятельствам, и призывались они вместе, весной 1965 года.

Мать Петр потерял, едва закончив семилетку, рано пошел работать – надо было содержать себя и отца, инвалида Великой Отечественной войны. В 1964 году Петр приехал по делам в Моздок, сам он жил в станице Черноярской, встретил случайно Настю и вскоре увез ее к себе. Навсегда покорила сердце первой красавицы города, одноклассницы Артема и Николая, этот лихой и чубатый выходец из кубанских казаков, переселившихся после революции на Терек.

Свадьбу сыграли в станице. Настя весь класс пригласила – и тех, кто остался в Моздоке после окончания школы, и тех, кто уехал учиться в вузы неподалеку – в Орджоникидзе, Нальчик, Грозный.

Через полгода отец Петра умер. Молодая жена призыву в армию не помеха – и Игнатенко получил повестку из Моздокского райвоенкомата. Маленького Петра Настя родила, когда они все трое прошли курс молодого бойца, приняли присягу и занимались в учебном отряде, в городе Кронборг.

В пограничных войсках поощряются земляческие традиции, справедливо считается психологически цементирующим коллектив заставы то обстоятельство, если служат вместе братья или трое-четверо парней из одного села, района. Поэтому всех троих и отправили на заставу № 1.

Петр Игнатенко был добрым и умным парнем, хотя по части эрудиции несколько отставал от своих земляков. Артем Логинов, сын известного в округе бывшего военного врача, осевшего в Моздоке после расформирования прибывшей из Германии дивизии, закончил десятилетку и первый курс медицинского института в Орджоникидзе. В армию он ушел, сделав вывод, что благородная профессия отца не для него. Развитым парнем был и Николай Колмаков. Его родители были местные, происходили из тех еще гребенских казаков, которые с незапамятных лет поселились за Гребнем – Терским хребтом, в нижнем течении реки. Николай рос без отца, тот оставил семью через два года после возвращения с фронта, когда мальчонке едва исполнился годик, а старшей сестре его, Веронике, было пять лет. Отец, четыре года подвергавшийся смертельной опасности, не выдержал испытания обыденностью, не смог найти себя в трудной и более чем скромной жизни тяжелых послевоенных лет. Он вернулся к фронтовой подруге, сандружиннице его роты, вдвоем они уехали на Сахалин, и откуда исправно приходили переводы и посылки с красной рыбой и икрой, невиданной прежде в их бедном доме.

Николай с раннего детства пристрастился к книгам о географических открытиях, морских приключениях и, конечно, про разведчиков. Когда подошло время выбирать профессию, он некоторое время колебался между геолого-разведочным факультетом Московского горного института и Ленинградским высшим инженерным морским училищем. Победило последнее... Но подвела математика. Николай получил на письменном экзамене тройку и не прошел по конкурсу. Он остался в Ленинграде, пошел работать матросом в речное пароходство, плавал на самоходной барже. В декабре баржу вывели из эксплуатации и поставили в затон. Такая служба показалась Николаю скучной. Он протянул еще два месяца, а в марте Вероника напи-

сала, что мама заболела, тоскует, хочет его видеть. Колмаков вернулся в Моздок, и с весенним призывом отправился служить в пограничные войска.

Когда они прибыли из учебного отряда на свою заставу, то сразу почувствовали другую организацию военного быта. На заставе каждый занимался своим делом, у каждого были определенные обязанности на все время службы, на какой-то ее отрезок и на будущие сутки. Ровно в девятнадцать ноль-ноль собирали весь личный состав на боевой расчет, и каждый пограничник получал наряд на ближайший день: чем, где и как он будет заниматься.

Поражала тишина, царившая на заставе. Здесь даже команды отдавались, не повышая голоса, ровно и спокойно, здесь не топали сапогами на плацу и не разносилась окрест разудалая маршевая песня. Пели, конечно, – кто не любит дать душе своей выговориться песней, – но домашнему пели, под гитару, да и то вполголоса, потому что в любое время суток кто-нибудь да спит на заставе после ночного дозора на границе.

Петр Игнатенко быстро стал любимцем заставы. Он хорошо играл на гитаре, знал множество песен на все вкусы. К нему тянулись и одноклассники Артема с Николаем, и те, кто ходил уже в «старухах». Петра можно было бы назвать по модной социологической терминологии неформальным лидером, только он довольно быстро стал и формальным – начальником расчета РЛС, потом командиром отделения, сразу получил звание сержанта, три золотых лычки на зеленые погоны.

На втором году службы Петр получил в порядке поощрения отпуск, съездил в Моздок – Настя после его ухода в армию опять жила у родителей – и вернулся прямо-таки сияющий от счастья, с восторгом рассказывал, какой чудесный растет пацанчик, весь в него и в деда, которого тоже звали Петром.

Это случилось в апреле, когда трое друзей сидели, можно сказать, на чемоданах и ждали приказа об увольнении в запас. Но служба еще продолжалась, они по-прежнему ходили охранять границу, давно уже были старшими пограннарядов.

Нарушители выбрали самый удобный для перехода границы час – перед рассветом. Небо уже посерело, сверху сыпался то мелкий снег, то мелкий дождь. Петр с напарником, Васей Любиным, парнишкой осеннего призыва, недавно прибывшего из учебного отряда, обходил участок на левом фланге заставы – он упирался в берег морской бухты.

С ними был черный Ремиз, которого вел на поводке Игнатенко. Официально Петр не был проводником собаки, но он любил собак, хорошо их чувствовал и часто выходил на охрану границы вместе с Ремизом, который особенно к нему привязался.

Стоило Ремизу напрячься и чуть слышно заворчать, Петр сразу понял, что впереди – люди. А здесь, в этой полосе, могут быть только нарушители.

– Любин! Бери резко вправо! – приказал он напарнику. – Обходи зону и займи позицию у самой границы, чтобы они шли на тебя. Как действовать – знаешь. А я постараюсь задержать их здесь. По дороге позвони дежурному. Поднимай заставу в ружье! Выполняй...

– Есть! – шепотом ответил Вася Любин и тут же исчез.

Петр Игнатенко продвинулся еще вперед, едва сдерживая рвущегося Ремиза, и среди кустов увидел смутные еще силуэты двух человек. Они осторожно шли от бухты к линии контрольно-следовой полосы. Сигнальной системы в те годы еще не было...

Нарушители несли какой-то продолговатый предмет, похожий на свернутый в трубку ковер. Как выяснилось потом, это действительно был своеобразный ковер – плотное покрытие, которое бандиты хотели расстелить на контрольно-следовой полосе и перекатиться через нее, не оставляя следов на разрыхленном грунте.

– Стой! – крикнул Игнатенко. – Стой! Стрелять буду! Руки вверх.

Неизвестные бросили поклажу и разом упали на землю.

Петр спустил Ремиза с поводка, тот молча бросился вперед, навстречу ему грянули выстрелы, раздался жалобный вой собаки, и тогда Игнатенко открыл огонь.

«Ах, Ремиз! – подумал Петр. – Не уберется, бедный...»

Один из нарушителей поднялся и побежал, не таясь, по направлению к границе.

«Надо его остановить! – лихорадочно думал Петр, целясь в перемещающуюся фигуру. – Любин еще не подошел к позиции. Да и молод он, как бы не растерялся, не упустил».

Петр неторопливо тронул спусковой крючок автомата Калашникова и тут же отпустил палец. Короткая, в три патрона, очередь догнала нарушителя, он ткнулся на бегу в землю и замер, неподвижный.

Но пока Игнатенко стрелял, второй перекатился в другое место и, прежде чем Петр обнаружил его, выстрелил по сержанту дважды. Одна из пуль задела пограничнику правое плечо. Он послал туда, откуда пришли пули, длинную очередь, чтобы не дать врагу прицелиться, и тут же сменил огневую позицию, замер, надеясь, что нарушитель сочтет его погибшим.

Так и случилось. Противник, с которым вел дуэль Игнатенко, дождался немного и, не видя пограничника, стал осторожно приподниматься.

«Взять живым! – мелькнуло в сознании сержанта. – Взять его живым...»

Прыжком вскочил Игнатенко на ноги, рассчитывая, что неожиданное возникновение ошеломит бандита. Но тот был опытным и тренированным диверсантом. Когда Петр направил на него автомат и крикнул: «Бросай оружие!», бандит выстрелил в сержанта из парабеллума, но и сам рухнул наземь, пронизанный очередью из автомата.

Пуля пробила пограничнику грудь. Петр, качнувшись, сохранил равновесие, шагнул вперед.

Он вдруг подумал, что надо подать сигнал ракетой. К нему идут на помощь, а ведь все закончилось уже... враги не прошли.

Теперь бы расслабиться, прилечь, его так тянуло к земле. Но тут из кустов раздался еще один выстрел, и Петр упал на землю, выронив оружие.

Считая, что с пограничником покончено, третий бандит, следовавший к границе отдельно от двух первых, не обращал на него больше внимания. Он метнулся к рюкзаку, который горбился за спиной второго убитого Петром нарушителя, разрезал стягивающий мешок шнур, раскрыл его и что-то оттуда выхватил.

Петр Игнатенко не потерял сознания и все видел. Он упал на левый бок, силы оставляли его, но, пока нарушитель возился с рюкзаком, он достал снаряженную ракетницу.

Не выпуская из рук непонятного для Петра предмета, бандит глянул на пограничника, затем сделал шаг вперед.

– Ты жив еще, проклятый рюсся? – сказал нарушитель. – Сейчас я отправлю тебя к предкам... – Между тем что-то щелкнуло у него в руках, и над его головой стал разворачиваться шар.

В этот момент Петр выстрелил из ракетницы. Задетое пулей плечо и рана в груди помешали ему точно прицелиться, хотя нарушитель был совсем недалеко.

Ракета метнулась навстречу бандиту, рванула край его левого рукава, разодрала и прожгла его до тела и, брызгая искрами, ушла в сторону бухты. Возьми Петр немного выше – ракета пробила бы оболочку гелиевого шара, который расширился сейчас в объеме, готовясь перенести бандита через контрольно-следовую полосу. Но мутнеющее сознание Петра Игнатенко не связало появление шара над головой нарушителя с его намерением уйти за границу.

Еще одна пуля в грудь оказалась для Петра смертельной.

Когда Логинов – он первым прибежал на поле боя – приподнял голову сержанта, тот был еще жив.

– Руку, – прошептал Игнатенко, – смотрите руку...

– Да-да, Петро! – торопливо говорил Артем, выхватывая перевязочный пакет. – Сейчас... Сейчас я тебя... Все будет хорошо, Петя! Потерпи, дружище!

Логинов не понял, что умирающий Игнатенко пытался выполнить последний долг – передать товарищу след. Ведь он знал, что задел ракетой левую руку бандита.

– Шарик, – шептал, впадая в забытье, Игнатенко. Он схватил Логинова за рукав, и этот его порыв был предсмертной вспышкой энергии. – Шарик улетел... Ищите шарик...

«Бредит», – подумал Артем.

V

Василий Колотухин был избран действительным членом Академик наук СССР три года назад, ему тогда едва исполнилось тридцать восемь, и, таким образом, он был одним из самых молодых академиков страны.

Огромную оценку получила научная деятельность Василия Дмитриевича в связи с его весьма перспективными работами в области высокоинтенсивных когерентных излучений, производимых лазерами, и с очень мощными источниками микроволновой энергии. После того как Василий Колотухин, тогда еще член-корреспондент, создал установку, лазерный луч которой на глазах у потрясенных членов государственной комиссии испарял небольшое пока количество самых различных материалов, он получил прозвище «инженер Гарин», а вся деятельность его лаборатории была переведена в ранг закрытых работ.

Уже после присвоения звания академика он подал в правительство докладную записку, в которой излагал суть нового научно-технического предложения, направленного на укрепление обороноспособности Отечества.

Обеспокоенный позицией, которую заняла не желающая мирных компромиссов администрация президента Рейгана, Колотухин вспомнил скандальное происшествие из истории освоения американскими учеными немецких ракет Фау-2, которое проводилось под непосредственным наблюдением и с личным участием отца этих ракет, конструктора Вернера фон Брауна. В 1947 году запуск Фау-2 производили на полигоне Уайт-Сэндз, в 64 километрах к северу от города Эль-Пасо, находящегося вблизи мексиканской границы. Ракета была запущена строго на север, поднялась в воздух, а затем... развернулась на 180 градусов и направилась на юг, в сторону Мексики, пролетела над Эль-Пасо и врезалась в старое испанское кладбище, тремя километрами южнее мексиканского города Хуарес. Специальное устройство для взрыва ракеты в воздухе на случай неудачного запуска не сработало...

Академик Колотухин задумался над вопросом: а нельзя ли искусственно вызывать подобные казусы с летящими в цель ракетами? Ведь если воздействовать на электронную систему наведения ракеты в цель каким-либо сильным излучающим источником, то можно не только сбить ракету с курса, но и задать ей другую команду. В идеале – отправить ее туда, откуда она стартовала.

Вот тогда и будет создана подлинно миролюбивая система противоракетной обороны, отвечающая основным принципам русской политики, направленной на сдерживание наступательных видов оружия. В основу нового оборонительного устройства Колотухин намеревался положить созданную им лазерную установку, которая не обладала пока еще достаточной мощностью, а тем более способностью воздействовать на летящую ракету избирательно, проникая в суть заложенной в нее программы и перестраивая ее необходимым образом. Все это еще предстояло решить.

Надо ли говорить, что предложение ученого получило поддержку правительства. Было принято решение об организации в Ленинграде самостоятельного научно-исследовательского института, обладающего необходимой производственной базой для экспериментальных работ. Институту выделили крупные средства, Василий Дмитриевич получил право на привлечение к работе над уникальным изобретением любых высококвалифицированных специалистов.

Новый институт с начала основания стал работать в режиме строгой секретности. Было бы наивным полагать, что создание нового научного учреждения, связанного с именем академика Колотухина, общие принципы деятельности которого были известны мировой ученой общественности, останется незамеченным. Рано или поздно следовало ожидать, что западные разведслужбы проявят интерес к конторе академика Колотухина. Поэтому следовало надежно перекрыть любую утечку информации из института, защитить жизненно важную для страны работу Василия Дмитриевича, его самого и сотрудников от любых посягательств.

Эта роль щита, а при необходимости и меча для лазутчиков, отводилась лично генералу Третьякову. Он же для конкретной работы создал специальную группу, куда вошли опытные контрразведчики управления государственной безопасности. Возглавил группу полковник Митрошенко.

VI

После совещания на вилле «Вера крус» заместитель директора ЦРУ Сэмюэль Ларкин захотел собственными глазами посмотреть, как он выразился, «железный занавес».

– Давайте отправимся на русско-финскую границу, дядя Сэм, – предложил за ужином Майкл Джимлин. – Можно самолетом до Хельсинки, а там рукой подать... Или переправимся с автомобилями на морском пароме в Турку, оттуда прекрасная дорога до Хельсинки. Потом вдоль северного берега Балтики, через Порво и Перно, мимо Котки и Хамины, в пограничный город Раройоки. Там и граница, там и застава русских, крайняя от Кронборгского залива, именно ее так любит наш друг Стив...

Сэмюэль Ларкин с интересом посмотрел на Фергюссона.

Фергюссон был как раз не в себе. Он остро завидовал Майклу – с заокеанским боссом говорить таким вольным тоном... Но надо было как-то объяснить намек Джимлина, и Стив нехотя сказал:

– Мне приходилось проходить через эту заставу. Давно это было, в годы моей молодости. Туда, мистер Ларкин, я прошел нормально. А на обратном пути потерял двух бывших друзей моего отца. Их надо было вывести из России. Это были верные братья... Они остались там навсегда.

Сэмюэль Ларкин участливо вздохнул.

– Тогда меня звали не Стив, а Рутти, – усмехнувшись, добавил Фергюссон.

– Едем морем, – решил шеф, – потом по финским дорогам к границе. Кажется, паром заходит на Аландские острова?

– Да, – подтвердил Вильям Сандерс, – в порт Марианхамина.

– Прекрасно! Заодно посмотрим эту демилитаризованную территорию, которая запирает вход в Ботнический залив.

После ужина Сэмюэль Ларкин пригласил Вильяма Сандерса на сугубо конфиденциальную беседу.

– Мне понравился этот ваш Стив, или Рутти, – сказал заместитель директора ЦРУ. – Его идея с морской агентской фирмой в качестве прикрытия резидентуры «Осьминог» весьма удачна. Пусть подготовит подробный доклад о своей деятельности под этой крышей – я предложу руководству внести его опыт в циркуляр для резидентов приморских государств. Русские суда ходят сейчас по всему миру, и в каждом порту, где они бывают, есть посредническая фирма, услугами которой они пользуются. Возможности тут просто неограничены.

Я ознакомился также, дорогой Билл, с теми фокусами, которые проделывает наш Стив Фергюссон на русско-финской границе. На мой взгляд, они носят оттенок хулиганских выходов, реальный результат от этих ударов по системе пограничной охраны невелик. Но в этой кажущейся бессмысленности организуемых инцидентов есть большой психологический смысл.

Продолжайте в том же духе. Пусть русские думают что угодно, но внимание их к границе будет приковано, это уж точно.

– Попытка Лангуста уйти из-за кордона была вполне реальна, мистер Ларкин, – слабо возразил Вильям Сандерс.

– Попытка! Вы разве не знаете, Билл, что русские пограничники стреляют в тех, кто пытается уйти за границу? И еще как стреляют... Никогда не сбрасывайте со счетов их боевую подготовку. Если даже президент Рейган одобрительно отозвался о русских «зеленых фуражках», то нам сам бог велел учитывать традиционную выучку и отличную натренированность этих парней. Более того, этим шумом на границе вы не достигли главного: не бросили тень на финнов. Русским ясно, что финны в этом случае абсолютно ни при чем. Я вам скажу и другое: мне стало известно, что вашу компанию, прибывшую к границе на серебристом «вольво», финны засекли, и теперь этот факт занесен ими в специальное досье. Эти нейтралы фиксируют все нарушения русско-финской границы и с той и со своей стороны. Учтите это, если до сего дня вы о подобном обстоятельстве не подозревали...

– Ломать, ломать надо их дружбу! – с досадой воскликнул Вильям Сандерс.

– Для этого вы и сидите здесь, Билл, – усмехнулся Сэмюэль Ларкин. – И деньги хорошие получаете... Кстати, ваше ходатайство об увеличении отпускаемых средств на организацию пограничных конфликтов удовлетворено. Но будьте осмотрительны – здесь особый случай, здесь границу охраняют оба соседа. Финнов берегитесь тоже...

– Понимаю, мистер Ларкин.

– Теперь самое главное – академик Колотухин... Мы располагаем сведениями о том, что в Ленинграде возник новый институт, который возглавил знаменитый специалист по лазерам, сын того Колотухина, который еще в годы Второй мировой войны занимался радиолокационными станциями, а затем создал в России уникальный радарный пояс, используемый советскими силами ПВО. Институт академика Колотухина прозаически назван русскими НИИЭлектроприбор. Но ясно одно: ученого такого масштаба, работы которого вот уже несколько лет как засекречены, не станут отвлекать для конструирования электрического чайника или кофемолки. Он специалист по лазерам, а лазер – это оружие будущего. Поэтому вот вам официальный приказ Координационного комитета: вам поручается начать широкую операцию по выявлению существа работ этого самого НИИЭлектроприбора.

– самого академика мы держали в поле зрения, – сказал Вильям Сандерс. – Наш Сократ имел выход на его сына через одну из своих клиенток. В связи с тем, что Сократ сломался и запросил о срочном исходе из Советского Союза, этот канал, видимо, потерян. Хотя... Если вывоз Сократа пройдет успешно, можно будет использовать этот вариант по-другому.

– Сократ – агент суперкласса. Мы обязаны его сберечь. Подайте мне рапорт с подробным изложением затеваемой вами разработки. В деле академика Колотухина не должно быть проколов, Билл. Нам с вами их не простят. Специалисты Лэнгли предполагают, что деятельность нового института может быть связана с проблемами противоракетной обороны. Вы помните, как русский лидер намекал, что у Советов есть что противопоставить нашим звездным затеям? То-то и оно... Игра стоит свеч, Билл. Делайте свою ставку первым!

VII

Андрей Колотухин облегченно вздохнул. Смолкла наконец эта адская музыка. Сегодня он воспринимал ее именно так. Остервенело замигали и погасли гипнотизирующие присутствующих разноцветные фонари, обрамляющие электронную аппаратуру. Нехотя распались отдельные кучки, выделявавшие до этого движения, которые только что казались Андрею злобной карикатурой на человеческие, так как в них не было никакой информации.

Парни и девушки расходились в разные стороны, садились за облюбованные столики, принимались пить сухое вино, которое официально разрешалось употреблять в студенческой дискотеке.

На мгновение Андрею показалось, что он уже видел все это в некоем сне, или, может быть, возникала когда-либо подобная ситуация... Андрей знал множество версий, объясняющих этот феномен человеческой психики, от идеи доутробного существования его в обличьях представителей других времен и народов до предположения о несинхронности работы полушарий головного мозга, когда одно из них уже закончило восприятие действительного мира, а второе еще только приступило к этому процессу – отсюда и сдвиг по фазе.

Он усмехнулся над извечной привычкой объяснять любое явление, задеваемое его вниманием, и иметь всегда несколько разъясняющих вариантов, порой и взаимоисключающих друг друга... Андрей, конечно, понимал, что такая особенность его интеллекта как нельзя лучше подходит к тому поприщу, которое он выбрал для себя, поступив два года назад на философский факультет Ленинградского университета. Вообще-то он поступил со второй попытки. Сразу после школы не хватило половинки балла. И тогда он уехал строить Байкало-Амурскую магистраль, отказавшись от предложения отца пойти в лаборанты, если и не к нему, то к кому-нибудь из своих товарищей.

Теперь Андрей Колотухин перешел на третий курс. Он как будто не жалел о том, что начал профессионально изучать философию, но за два года учебы у него накопилось слишком много недоуменных вопросов. Они рождались от все той же несинхронности, но на этот раз не работы полушарий головного мозга, а из-за несоответствия между жизнью и книжными представлениями о ней.

Между тем в зале начал самодовольно разглагольствовать сидевший за пультом управления электронной звуковоспроизводящей аппаратурой диск-жокей. Никто из молодых людей его не слушал, но он давил и давил на них знанием бесчисленных западных ансамблей, различием одних от других, иностранными именами певцов и музыкантов, цифрами гонораров, которые получают все эти «Гнусные парни», «Потрошители», «Звероящеры», «Адские машины», «Икс, игрек, зет», «Киллеры», «ЭББУ», «НКЛМН»... Диск-жокей захлеб восхищался чужим кантри, будто у предков, сидящих в зале, никогда не было сельской музыки, не было ни веселых, ни печально-протяжных, истинно душевных напевов.

Диск-жокея не слушали, но не потому, что не было интересно. Просто всем все это было давным-давно известно. Неумеренные восторги диск-жокея по поводу славной западной музыки не воспринимались уже давно. И не потому, что отвергались. Просто они уже давно были восприняты. Теперь все ждали самой этой славной музыки. Ведь она будоражит не хуже водки, под нее так легко входить в раж, кривляться, рычать, визжать, кусаться, срывать с партнерши платье... Пусть не сейчас, когда в зале кретины из комсомольского оперотряда, но вот потом.

И конечно же ни диск-жокей, который из энтузиаста-общественника превратился в профессионала, срывающего хороший куш за каждый такой вечер в дискотеке, ни эти в общем-то неплохие парни и девушки, будущие биологи и географы, физики и журналисты, математики и языковеды, никто из них не знал, что все эти их кривляния и рычания, весь этот музыкальный бред, в который они сами себя вгоняли, все это продумано, запрограммировано, скалькулировано мистером Ларкиным, его коллегами из ЦРУ и сотнями таких же опытных и умных специалистов по разложению человеческих душ. Да, они этого не знали, хотя обязаны были знать. Повзрослев, следует понимать, что за отраву глотаешь добровольно. Когда человек совершает преступление, суд не учитывает того обстоятельства, что преступивший не знал законов. Законы должны знать все. Законы, оберегающие самого себя от растления, тоже...

Андрей Колотухин был на год старше своих однокурсников, поработал на БАМе, где укладывал рельсы, так что кое-что соображал в жизни. «Катящимися камнями»³ сбить его с жизненной позиции было трудновато, но что делать – и такие, как он, подвержены «инерции среды». Куда ему было деваться, если его однокурсники словно заражены единым поветрием, все как один любят «расслабляться» после утомительных схваток с гранитом наук в университетской дискотеке. К тому же эта дискотека, называвшаяся несколько двусмысленно и даже кощунственно «Сквозь тернии», считалась одной из самых престижных в городе. В «Кустарник» – так переименовали дискотеку студенты – рвались не только студенты университета.

Для Андрея Колотухина, которого хорошо знали в комсомольском штабе университета, попасть на дискотеку не было проблемой. Он с первого курса ходил в лидерах, формальных и неформальных. И не как сын академика или парень, узнавший на БАМе, что такое фунт лиха. Причина была в его общительном характере, в том, что он со всеми держался просто, естественно и на равных.

Андрей сидел за столиком со Стасом и Рафиком и в который уже раз объявлял подхлывшим ребятам, что четвертый стул у них занят. Он ждал Марину.

Она появилась после девяти вечера. Свободно и раскованно пересекла зал, не обращая внимания на танцующих, увидела Андрея и его друзей, однокурсников, махнула приветливо рукой.

– Уф, – вздохнула она, усаживаясь, – еле вырвалась... Сима Гукова заболела, пришлось ее подменить. Пришла старая клиентка, подняла шум: мне только Симочку! Ася Миронова говорит: примите ее, Марина, на вас она согласится, это очень нужный человек. Что делать, если просят? Вот и провозилась с ней, сделала еще одну дуру красивой.

Марина Резник была старше Андрея на четыре года, хотя выглядела восемнадцатилетней. Прежде она училась на факультете журналистики, попала туда по протекции, которую организовала ей мама, энергичная женщина, заведовавшая модным ателье на Невском проспекте. Марина подала заявление на этот факультет, посмотрев фильм Сергея Герасимова «Журналист» и прельстившись красивой и многозначительной перспективой, которой зеленую молодежь жестоко поманили с экрана. Но этого эмоционального заряда, полученного при содействии кино, хватило Марине только на полтора курса. Мало того, что она поняла, какими довольно средними способностями обладает, ими на факультете редко кто отличался. Марина быстро сумела уловить иллюзорность журналистской профессии, установила для себя, что здесь, как и в любой армии, ой как трудно стать генералом, слишком тяжек и долог путь от мелких заметушек и примитивных очерков в многотиражке или районке до подвалов в центральных газетах или сенсационных судебных материалов в «Литературке».

Житейский практицизм, унаследованный Мариной от матери, Брониславы Иосифовны, помог ей сообразить, что из тысяч журналистов лишь единицы публикуются в столичных изданиях, и это весьма далекий журавль в небе, которого можно никогда и не поймать, даже положив на такую охоту всю оставшуюся жизнь. Не лучше ли славная добрая синица в руке? И Марина последовала совету хорошо знающей что почем мамы. Она бросила университет, поступила на курсы косметичек и уже через год после начала работы в «Салоне красоты» приобрела такую клиентуру и известность, которой позавидовал бы любой журналист в их городе. В бумажнике у нее теперь успокаивающе шуршало... Марина обрела материальную независимость, для нее не существовало проблемы дефицита, да еще одеться умела со вкусом, его с детства привила ей мать. Оставалось устроить личную жизнь, и пусть завидуют подружки, которые остались доучиваться на факультете.

Но тут накатанная дорожка свернула под откос. Однажды в ресторане «Альбатрос», куда Марину затащила ее постоянная клиентка, жена капитана дальнего плавания, она увидела брю-

³ Один из известных на Западе ансамблей называется «Роллинг стоунз» – «Катящиеся камни».

нета с голубыми глазами. Ирина, жена капитана, знала его, он плавал раньше у ее мужа судовым врачом. Состоялось знакомство, и все для Марины завертелось, закружилось. Очнулась она, когда Борис ушел в Австралию, а врач-гинеколог, тоже клиентка, сказала обеспокоенной Марине: «У тебя, голубушка, такой срок беременности, что поздно спохватилась...»

Так и стала Марина матерью-одиночкой. Об этом мало кто знал из знакомых. Ее мама сумела все организовать так, что девочка, которую назвали Яной, особенно не обременяла Марину. А Бронислава Иосифовна, которой исполнилось только сорок пять, считала, что ее Мариночка непременно устроит судьбу, ребенок этому не помеха.

Морской доктор к появлению дочери отнесся спокойно. «Моя профессия не позволяет заводить семью, – сказал он. – Мне суждено остаться одиноким. Но от ребенка не отказываюсь, буду помогать материально... И тебя я отнюдь не разлюбил, дорогая. Все будет, как и прежде».

Яне исполнился годик, когда Марина вот в этой самой дискотеке познакомилась с Андреем. Ее привела сюда приятельница, с которой она раньше училась в университете. Теперь Клара работала в вечерней газете.

Они подружились, Андрей и Марина. Сегодня была годовщина их знакомства, и Андрей предложил встретиться в дискотеке, а потом посидеть в плавучем ресторане на Неве, поскольку через несколько дней он уезжал со студенческим отрядом в Оренбургскую область, в целинный совхоз.

За год знакомства с Мариной Андрей так и не узнал о существовании Яны. Мать Марины, которая считала, что дочь ухватила-таки журавля в небе, шутка ли, дико перспективный жених, предлагала даже удочерить внучку и выдать ее за младшую Маринину сестренку. «Возьму твой грех на себя, дурочка, – смеясь, говорила она. – Я женщина свободная, почему бы мне и не родить такую прелестную девочку в мои-то “надцать” лет...» Марина не соглашалась. Она поощряла ухаживания Андрея, он нравился ей, но сердце ее принадлежало Борису. Когда тот приходил с моря, Марина исчезала для Андрея, ее просто не существовало для студента.

В общем и целом личностью она была посредственной, порою даже вульгарной. Круг интересов Марины не выходил за пределы модных тряпок, полуконтрабандных дисков, записей скандально на шумевших певцов, балдения в кафе, застолий в ресторанах, автомобильных выездов на берега Финского залива, теплоходных прогулок на Валаам или в Кижы. То немногое, что приобрела Марина в университете, она уже растеряла, а среда, которая ее окружала, не способствовала ее развитию.

Всего этого Андрей попросту не замечал.

Он любил Марину.

– Пойдем потопчемся, Эндрю, – лениво сказала она и взяла Андрея за локоть.

Он послушно встал из-за стола и вывел Марину в круг.

Стас и Рафик, слышавшие это, переглянулись и разом вздохнули. Им не очень-то нравилась эта девушка, но когда Рафик попытался только намекнуть Андрею: надо, мол, внимательнее присматриваться к тем, кто тебя окружает, он неожиданно резко оборвал товарища, дав понять, что это не его дело.

– Ты пойдешь с ними в ресторан? – спросил Стас у Рафика.

– Не хочется... Пусть веселятся одни.

– Неверно рассуждаешь. Нельзя оставлять товарища в беде. Ох и нахлебается Андрюшка с этой фирмовой дивой...

Домой Андрей вернулся в половине первого. Он осторожно открыл дверь, хотел, не зажигая света в прихожей, пройти в свою комнату. Только вот не успел... Отец услышал, что он пришел, и появился в дверях гостиной.

– Значит, ты уже дома, Андрюша, – сказал Василий Дмитриевич. – Это хорошо... А мы еще не спим, ждем тебя.

– Мы? – удивился Андрей. Вот уже десять лет, с тех пор как умерла его мать, они жили вдвоем с отцом, а хозяйство их вела двоюродная сестра Колотухина-старшего – она жила в соседнем подъезде.

– Пелагея Кузьминична приехала, – сказал отец.

Глава четвертая

I

Все произошло так неожиданно, что эти опытные, привыкшие к различным переделкам люди в первые мгновения растерялись, и потому Олегу удалось беспрепятственно достичь поверхности воды.

Он прыгал ногами вперед и постарался погрузиться как можно дальше, чтобы затем поднырнуть под пирс и проплыть между сваями к тем яхтам и катерам, что стояли по другую сторону.

Штурман уже ушел в воду, когда один из тех, кто стоял на пирсе, выхватил из-за пазухи пистолет с навёрнутым на ствол глушителем и хотел разрядить обойму, но тут же был схвачен за руку шефом.

– Вы с ума сошли, Карл! Кругом полно народа... И ведь там Рекс... Выудите сначала его. Потом займемся беглецом...

Ничего этого Олег, разумеется, не видел и не слышал. Когда кончился воздух в легких, он потихоньку всплыл, угадывая по степени освещенности, что поднимается под пирсом. Так оно и было... Олег находился под ним, примерно на середине пирса.

Теперь здесь, среди свай, можно было и не нырять – и так никто не увидит. Штурман вспомнил, что причалы в Ухгуилласуне тоже на сваях, среди них легко укрыться, а для него это сейчас самое главное.

Давыдов поплыл от сваи к свае, касаясь порой их осклизлой поверхности. Под пирсом было сумрачно, свет сюда едва проникал, но спутать направление было невозможно. Штурман плыл, стараясь не плескаться, чтобы не выдать себя шумом. В горячке событий не сразу почувствовал, как холодна вода, но вскоре ее низкая температура дала о себе знать.

Добравшись до основного причала, Олег убедился: он мог двигаться незамеченным и под бетонной крышей набережной. Некоторое время колебался: в какую сторону ему повернуть. Потом взял влево, к порту.

Проплыв под причалом метров двести, штурман почувствовал, что долго в такой воде не выдержит. Надо куда-нибудь да выбираться. Но куда? На причал нельзя, его тут же схватят эти типы. Выбраться и позвать полицию? Но окажется ли она, полиция, рядом? Неизвестно... А эти, они как раз поблизости. «Эх, полиция, полиция, картофельное пюре, – вспомнил Олег песенку-дразнилку из детективного романа шведского писателя Пера Валё. – Попал я в переplet... Сейчас сведет ноги судорогой – и конец».

Он подплыл к краю причала, осмотрелся. Метров пятьдесят швартовной линии были свободны от катеров и яхт, затем стояли четыре яхты, а перед ними, в сотне метров от берега, находилось на якоре приземистое, с низкой палубой неуклюжее сооружение. Олег узнал его, хотя в наших портах видел иные конструкции. Это был морской мусорщик, специальное судно, которое собирало в бухте всякую дрянь: сброшенные в воду с судов пустые ящики, флаконы из-под моющих средств и другую дребедень, обладающую способностью плавать, а самое главное – разлитую по поверхности нефть, которой суда загрязняют портовые воды, несмотря на тщательный санитарный контроль и внушительных размеров штрафы.

«Это мой шанс, – подумал Олег. – Если доплыву до сборщика мусора незамеченным...»

Он доплыл под причалом до четырех яхт, стоявших борт о борт. От последней было ближе до мусорщика, и двигаться придется не по линии, параллельной пирсу, откуда его наверняка выслеживают, а под углом градусов в сорок пять. К тому же, едва он приблизится к мусорщику, это неказистое судно окажется между ним и его врагами, скроет его от их глаз.

Яхты он обходил не таясь, за ними его не было видно. Людей на яхтах, слава богу, не было, а может, они сидели в каютах, словом, никто не заметил его и не поднял тревогу: «Человек за бортом!»

Давыдов благополучно миновал яхты, отдышался, держась за перо руля крайней из них, затем набрал в легкие побольше воздуха и нырнул в направлении к сборщику мусора.

Воздух в легких кончился. Но Олег чувствовал: рано подниматься на поверхность, могут заметить с пирса. Удушье раздирало грудь, кровь стучала в висках, но он сделал еще несколько сильных гребков под водой. Теперь, кажется, было можно... Едва сдерживая желание быстрее вынырнуть и глотнуть воздуха, он осторожно всплыл. Мусорщик уже закрывал его от наблюдателей с пирса.

Давыдов приблизился к борту неуклюжей посуды вовремя – левую ногу уже сводило.

Он с трудом подтянулся и вполз на металлическую решетчатую палубу. Не поднимаясь на ноги – могли заметить с пирса – добрался до небольшой рубки. Дверь в нее не была заперта. Олег открыл ее. В рубке было тепло и относительно безопасно. Первым делом Олег посмотрел в сторону пирса. Он увидел, как вели под руки к стоявшей на причале машине Рекса, как садился в машину Кунин.

«Меня больше не ищут? – мысленно спросил он себя. – Или это попросту уловка? И что все это значит? Кто Борис на самом деле?» Но сейчас надо было подумать о себе. «Раздеться и выжать одежду, – решил Олег. – А потом будет видно...»

II

– Значит, говорите, что выходные дни не пропали даром? – сказал генерал Третьяков, когда полковник Митрошенко пришел к нему в кабинет, чтобы доложить о первоначальных следственных действиях, предпринятых его группой в связи с событиями на границе.

– Конечно, – ответил Анатолий Станиславович, – по горячим следам старались идти. И мы, и пограничники. Так что за вами отгул за воскресные дни, Лев Михайлович.

– Будет, будет нам всем отгул, дорогой полковник. Когда на пенсию выйдем... Ну да ладно. Личность угонщика и убийцы водителя трейлера установили?

– Еще до того, как Информационный центр дал нам необходимые сведения по отпечаткам пальцев, мы показали фотографию трупа ребятам в совхозном студенческом отряде. Поскольку на его куртке были нашивки районного комиссара, предъявили фото в районном и областном штабах студенческих отрядов. Его не опознали. Но водитель бетоновозки Павел Жилин со строительного объекта, находящегося на десять километров южнее совхоза «Синегорье», показал, что этот бородатый мужчина просил подвезти его до центральной усадьбы. Жилин отказал, у него сел аккумулятор...

– Теперь ему в пору на него молиться, на аккумулятор этот, – заметил генерал. – Так, значит, с опознанием убийцы на месте происшествия ничего не вышло?

– Не вышло, – подтвердил Митрошенко. – Но из заключения судебно-медицинской экспертизы нам стало известно: на трупе имеется татуировка. Расположена на левом бедре. На татуировке – бывший государственный герб буржуазной Эстонии и надпись на эстонском языке: «Помни Тарту!»

– Такая татуировка была у эстонских националистов, которые служили в особом батальоне СС, сформированном немцами. Он дислоцировался в Тарту! – воскликнул Лев Михайлович. – А этому неизвестному только лет тридцать...

Митрошенко пожал плечами:

– Да, примерно столько по определению экспертов... Конечно, сам он служить в этом батальоне не мог, Лев Михайлович. Там служил его отец...

– Отец? Выходит...

– Да, мы установили личность убийцы, товарищ генерал. Это Рауни Пенсас. Его дактилоскопическая карта хранилась в Информационном центре, поскольку он дважды привлекался к уголовной ответственности.

– Расскажите о нем поподробнее, – попросил генерал.

– Рауни Пенсас родился в городе Тарту в пятьдесят четвертом году. Отец его, Рудольф Пенсас, обвиненный в многочисленных убийствах советских граждан на территории Белоруссии, Ленинградской области и Эстонской ССР, был за месяц до рождения Рауни расстрелян по приговору военного трибунала. Гауптштурмфюрер СС. После войны возглавлял банду «верных братьев». Когда ее разгромили, скрывался под чужим именем. В сорок седьмом арестован как бандо-пособник. Личность его не была раскрыта, и Рудольф Пенсас получил десять лет лишения свободы. Наказание отбывал в районе Воркуты. В пятьдесят третьем, после смерти Сталина, амнистирован. Вернулся в Эстонию, поселился в Тарту, где женился, и снова изменил имя, взяв себе фамилию жены. Это потом его сын захочет жить под отцовским именем...

Сам Рауни воспитывался матерью и младшим братом отца, который находился в отряде Пенсаса-старшего и отбыл отмеренное ему наказание. Вероятно, именно дядя отравил парню душу рассказами о «мученической» судьбе отца. Во всяком случае, учась на первом курсе – Тартуского университета, Рауни предпринял попытку организовать среди студентов антисоветскую манифестацию. Эта затея провалилась, с Пенсасом провели профилактическую беседу, на которой он как будто бы искренне покаялся и слезно молил о прощении. Из университета его все-таки исключили, но дело прекратили, простили по молодости лет...

После этого Рауни уехал в Таллин, устроился ночным сторожем в кафе и вскоре попал в поле зрения милиции как фарцовщик, ведущий темные сделки с иностранными моряками. Было подозрение, что поторговывает и наркотиками, но явных доказательств не имелось. Накапливался соответствующий материал, но тут Пенсас оказался участником драки в ресторане и был осужден за хулиганство. Ему определили меру наказания – два года лишения свободы. Условно...

– Опять поверили? – спросил Третьяков.

– Опять, – вздохнул Митрошенко. – Но условного срока Пенсас не выдержал... Через год после первого осуждения выяснилось, что он является членом шайки преступников, занимавшихся валютными операциями. Дело вели наши эстонские коллеги. Процесс тринадцати.

– Я помню эту историю, Анатолий Станиславович. Продолжайте.

– Так вот, – сказал Митрошенко. – Пенсас отбывал наказание в одной из колоний строгого режима, когда раскрыли давнее убийство двух бывших сообщников этих самых тринадцати. Когда следственные органы установили, что Пенсас непосредственно причастен к этим убийствам, по указанию прокуратуры он был этапирован из места заключения. Во время конвоирования с Урала в Эстонию бежал...

– Понимал, что его ожидает, – заметил Лев Михайлович.

– Был объявлен всесоюзный розыск, который результатов не дал. Около двух месяцев искали Пенсаса, но следов никаких не обнаружили до прошлой пятницы, когда он сам заявил о себе. Но сейчас у нас есть предпосылки полагать, что Пенсас скрывался в пригороде Ленинграда.

– На чем основываются ваши предположения? – спросил генерал Третьяков.

– Помните сезонный билет, обнаруженный в кармане убийцы? Ханжонкина Петра Елисеевича в городе не оказалось. Но майору Колмакову пришла в голову мысль выяснить: не было ли человека с такой фамилией среди окружения Пенсаса. Среди поделщиков такого не оказалось... Но в том отряде заключенных, в котором состоял Пенсас, нашелся Ханжонкин.

– Петр Елисеевич?

– Точно, товарищ генерал! Сосед Пенсаса по койке, рядом спали.

– Что же это? Не хватило фантазии придумать другую фамилию?

– Это одна из особенностей человеческой психологии, Лев Михайлович. Искать из того, что близко лежит. И еще другое. С одной стороны, преступник боится погони, боится оказаться пойманным и старается быть максимально осторожным. И в то же время, ненавидя преследователей, он страстно хочет оставить их в дураках, не только оставить, но и выставить, посмеяться над ними. Для Рауни проездной билет на имя Ханжонкина – хохма, небольшое развлечение. Такая как будто бы незначительная деталь бодрит преступника и в то же время, как ему кажется, ничем ему не угрожает. Но рассуждения преступника всегда содержат в какой-то части недальновидность и просчет. Ведь его психика несвободна. Она отягощена и самим преступлением, и лихорадочными поисками путей к укрытию от наказания. Нам, сыщикам, куда легче. Мы можем спокойно обо всем поразмыслить и прикинуть, что билет этот у Рауни Пенсаса оказался не случайно, что он сам его купил, купил для себя, чтобы ездить на станцию Ольгино. Там и будем искать его берлогу.

– Ищите, – сказал Третьяков. – Но помните о той машине, серебристой «вольво», которая ждала тогда за кордоном. Надо предъявить фотографии Пенсаса, теперь у нас есть фото и живого преступника, постовым милиционерам, охраняющим иностранные консульства. У меня есть серьезные подозрения: эта акция не была проявлением одной самодеятельности Пенсаса. Ее спланировали другие. Надо поднять то старое таллинское дело о валюте... Майор Колмаков на месте?

– У себя, Лев Михайлович.

– Вы ознакомились с материалами по событиям на теплоходе «Вишера»?

– Конечно, товарищ генерал.

– Происшествие за происшествием, – вздохнул генерал. – Это что же такое? Чуть ли не войну нам объявили рыцари плаща и кинжала... Не кажется ли вам, Анатолий Станиславович, что нас упорно от чего-то отвлекают? Ведь все эти события как будто алогичны, бессмысленны. Говоря их языком, они попросту не дают им никакой вырочки. Не деловые какие-то выходы...

– Один из способов связать нам руки лавиной происшествий, которые надо расследовать.

– Ну, рук-то у нас хватит... И голов тоже. Я думаю отправить Колмакова в Таллин – туда зашла «Вишера». Пусть опросит свидетелей. И заодно встретится с товарищами, которые вели дело тринадцати. Может быть, всплывут связи Пенсаса с западными спецслужбами. Пригласите ко мне Николая Ивановича.

– Хорошо, – сказал Митрошенко.

III

В семье академика Колотухина эта необыкновенная женщина была живой легендой. Мало того, что вынянчила Василия Дмитриевича, растила его, что называется, с пеленок. Пелагея Кузьминична Бульба была добрым гением Колотухиных, она всегда приходила на помощь в самую трудную пору.

Так было, когда Палаша познакомилась в 1944 году с матерью будущего академика, только что вернувшейся в разоренный город из эвакуации с годовалым Васенькой на руках. Марию Сергеевну вызвал в Ленинград Дмитрий Андреевич Колотухин, инженер и ученый, занимавшийся в военные годы радиолокационными станциями. Вызвать-то вызвал, а встретить не сумел – срочно отправился на испытание нового радара в море. Товарищ, которому он передоверил устройство жены, напутал со временем, и молодой женщине с ребенком на руках пришлось добираться до их старой квартиры на перекладных. Дом оказался разбитым, а нового адреса Мария Сергеевна не знала...

Тут и появилась энергичная Палаша, недавно приехавшая из Белоруссии восстанавливать город. Случайно увидев на улице растерявшуюся женщину, она расспросила ее обо всем,

отвела к себе в общежитие, быстренько разузнала, где искать Дмитрия Андреевича или его товарищей, нашла их, и те не замедлили явиться и взять остальные хлопоты на себя.

Вскоре Дмитрий Андреевич получил большую квартиру, и Мария Сергеевна уговорила Палашу перейти к ним на постоянное житье. Со стройки девушка ушла. Она возилась с маленьким Колотухиным, получала денежное содержание, которое определили ей как домашней работнице, и ходила в вечернюю школу, на чем, видя тягу Палаша к чтению и ее природный ум, настояла Мария Сергеевна. Сама она, едва появилась возможность оставить на Палашу ребенка, пошла работать к мужу, поскольку была квалифицированным радиоинженером.

Когда Василий подрос и готовился идти в первый класс, Пелагея уже закончила техникум и стала экономистом на крупном механическом заводе. Тут она вышла замуж и тепло простилась с гостеприимным домом Колотухиных, но в каждый праздник непременно приходила с поздравлениями, да и в будни не забывала забежать, справиться о житье-бытье, узнать, какие у Васеньки отметки в школе.

Брак Пелагеи Кузьминичны был неудачным, через два года она развелась с мужем, но по фамилии осталась Мережковской. Жила скромно, одиноко и по-прежнему оставалась верным другом семьи Колотухиных. Она самоотверженно ухаживала за Дмитрием Андреевичем, когда у него случился инфаркт, а затем не отходила от заболевшей Марии Сергеевны, которая так и не перенесла смерти мужа.

Это произошло в 1964 году, когда появился на свет внук конструктора, маленький Андрей. Василий Дмитриевич женился рано, в двадцать лет, и сына его тоже нянчили добрые руки Пелагеи Кузьминичны, держа ее за руку, учился Андрюшка ходить по земле. Потом баба Палаша, как звал ее малыш, затосковала вдруг по родной Белоруссии и уехала на жительство в Брест. Но когда Василий Колотухин и его десятилетний сын осиротели, сразу же примчалась в Питер и не оставляла их, пока не наладила в доме относительный порядок и не переселила к ним поближе одинокую двоюродную сестру Василия Дмитриевича. Но и живя в Бресте, она часто наезжала в колотухинский дом, ревниво надзирая, не оставлены ли заботой одинокие мужчины, ведь Колотухин-старший так и не женился снова.

Родом Пелагея Кузьминична была из Гомельской области. В сорок втором их деревню вместе с жителями дотла спалили фашисты. Девушка спаслась только потому, что была в соседнем поселке, ходила туда за солью. Долго мыкалась Палаша по растерзанной гитлеровцами Белоруссии, пока не набрела на партизан. Была у них связной, в диверсиях на железной дороге участвовала. За это была награждена партизанской медалью.

Когда пришли наши, Палаша залечивала раненую ногу в лесном госпитале. Армия ушла дальше, освобождать Польшу, а молодая девушка вскоре отправилась в Ленинград – восстанавливать полупустой, остро нуждавшийся тогда в рабочих руках город.

IV

– А свитер мне зачем? – спросил Андрей, вытаскивая его из рюкзака. – Я его не хотел брать...

– Это я положила, Андрюша, – сказала Пелагея Кузьминична. – Теплая одежда в дороге никогда не помешает...

– Так ведь в Оренбургскую область еду! Там жара знаете какая бывает?!

– Так то днем, – не унималась Пелагея Кузьминична. – А ночью, я где-то читала, даже в пустыне иней выпадает. На то и резко континентальный климат. Да и не поймешь сейчас эту погоду – на юге летом снег идет. Вон как в Мексике было: народ на улицах замерзал. А на Чукотке плюс тридцать градусов. А чего тут удивляться? Распатронили небо ракетами, дырок понаделали, отсюда и казусы происходят. Ты, Андрюша, возьми свитерок-то, весу в нем всего ничего, а, глядишь, согдится...

– Ладно, – отмахнулся Андрей, – возьму... А про ракеты вы напрасно. При чем здесь они? Погода зависит от солнечной активности. Вон в Сибири есть астроном-метеоролог, так он по расположению солнечных пятен ураганы в Атлантике предсказывает, когда косить-сеять дает советы. Дьяков его фамилия.

– Не скажи, Андрюша, – возразила Пелагея Кузьминична. – Ведь ракеты при запуске, они что? Атмосферу прожигают, кислород там и все прочее исчезает. А природа не терпит пустоты. Эту дырку заполняет другой воздух, перемешивание начинается, а с ним смерчи, прежде невиданные, и все такое прочее.

– Сдаюсь! – поднял руки и рассмеялся Андрей. – Аргументация у вас, дай бог каждому... Теперь точно – свитер беру.

– И очень хорошо... Пойдем-ка на кухню, побалуемся кофейком. А Василий Дмитриевич придет – будем ужинать. Значит, ты сегодня и отбываешь? «Красной стрелой»?

– На ней самой. Утром будем в Москве, перейдем на Казанский вокзал, оттуда покатаем на оренбургском поезде.

– В добрый путь, – вздохнула Пелагея Кузьминична. – Большое дело вы делаете, студенты... Столько за эти годы понастроили! Пойду воду поставлю для кофе.

Они сидели на кухне и пили кофе. Андрей, выпив полчашки, достал сигарету. Курил он изредка, за компанию на студенческой вечеринке или когда его сильно что-то тревожило.

– Хочу вас спросить, Пелагея Кузьминична, – сделав первую затяжку, начал разговор Колотухин-младший. – Вы помните, как отец женился на маме?

– Конечно, помню, – отозвалась Пелагея Кузьминична. – Тебе подлить горяченького?... Как женился?... Она с год к нам ходила, а потом Васенька мне и говорит: «Хочу жениться...» И слава богу, отвечаю, она девушка добрая, любит тебя, счастья вам да деток в дом. У дедушки твоего инфаркт тогда уже случился, но отошел он, совсем было поправился, не думали мы, что через год эта болезнь опять за него примется. Так что тогда сначала Марии Сергеевне сказали, потом Дмитрию Андреевичу. И сыграли свадьбу.

– Значит, мама бывала здесь до того, как... Ну, свадьба...

– Бывала, – подтвердила Пелагея Кузьминична. – А как же иначе? Неужели как сейчас. Явятся, и нате вам: папа, мама, знакомьтесь: моя жена... А у родителей чуть не разрыв сердца. Конечно, главное, чтобы по сердцу была, но отцу прежде не сказать – жестоко его обидеть. Дружкам ведь сообщишь... А разве есть на свете человек, кто тебе больший друг, чем отец? Такой отец у тебя, Андрюша...

Пелагея Кузьминична вдруг подозрительно посмотрела на Андрея:

– А чего это ты разговор такой затеял? Уж не собрался ли жениться?

– Собрался, Пелагея Кузьминична...

– Вот это да! Чуюло мое сердце: надо все бросать и к вам ехать... И кто же она?

– Девушка.

– Понятно, что не юноша и не старая бабка... Из университета вашего?

– Нет. Впрочем... Она раньше училась, потом ушла, стала работать.

– Ну что ж, не всем быть учеными, надо кому-то и обычную работу выполнять. Главное – человеком оставаться... И где же она работает, Андрюша?

– В салоне красоты. Она косметолог...

– Нужная профессия. Помогать людям становиться красивее – это даже благородно, если хочешь.

– Вот и Марина так считает.

– Так что же тебя тревожит? Ты с отцом говорил?

Андрей опустил голову:

– Пока нет... Не уверен, правильно ли он поймет.

– Чудак-человек! Да твой отец что хочешь поймет. У него не только светлая голова, у него и сердце умное. Сегодня же и скажи. Ведь уезжаешь... Пусть он пока привыкнет. А вернешься – свадьбу сыграем. Глядишь – еще и до твоих ребятишек доживу... Их понянчу.

Пелатая Кузьминична вдруг всхлипнула и полезла в карман передника за платком.

V

Николай Колмаков ехал в Таллин.

Он собрался в тот же день. Сразу после беседы с генералом Третьяковым оформил проездные документы, заехал домой за «допровской корзинкой», так они с Тамарой называли в шутку его походный портфель, позвонил жене на работу, заехать проститься уже не было времени – опаздывал на поезд, поцеловал Галинку, она обложила учебниками, готовилась к экзаменам в училище, сказал ей, что уезжает ненадолго.

Сейчас он выстраивал в голове план будущих действий в Таллине, ведь у него два разных поручения от генерала: поискать, не было ли у Рауни Пенсаса связей, которые вели бы в направлении, касающемся их ведомства, и разобраться с тем, что произошло на теплоходе «Вишера».

Перед его отъездом генерал Третьяков подробно расспросил Колмакова о поездке на границу, узнал его мнение по поводу ЧП на контрольно-пропускном посту Клюквенное, о странных событиях на заставе имени Петра Игнатенко.

– И вы тоже считаете, что это был дельтаплан с двигателем? – спросил Третьяков, когда Колмаков закончил рассказ. – Согласны с подполковником Логиновым, выдвинувшим такое предположение?

– Видите ли, товарищ генерал, мы с подполковником Логиновым прибыли на этот участок заставы уже потом, – сказал Колмаков, – и сами шума мотора не слышали. Но о нем говорят пограничники двух застав. А один из них видел летящую тень...

– А не могла ему эта тень померещиться? – вступил в разговор полковник Митрошенко. – Солдат недавно прибыл на границу – нервы напряжены, чувства обострены. Ведь этот парень, который говорил про тень, он из новичков?

– Из новичков.

– Ну вот... Помнится мне, – продолжал Митрошенко, – что несколько лет назад как раз в Кронборгском отряде был случай, по-моему, даже на участке коменданта Зеленского, когда вот такой же первогодок уверял, что у него над головой пролетел ночью планер. В нашу сторону пролетел...

– Да-да, – оживился Третьяков. – Мне после этого начальство из Москвы не раз говорило: у тебя, мол, планеры из-за границы Ленинград атакуют...

– Всех тогда подняли по тревоге. ПВО подключили, искали, с ног сбились, по нашей линии проясняли ситуацию, – продолжал Митрошенко. – А потом оказалось, что это планировала сова. Следственным, так сказать, экспериментом установили...

Колмаков пожал плечами:

– На границе любое сомнение толкуется в пользу реального нарушения. Таков закон пограничной службы, товарищ полковник.

– Ладно вам, Колмаков, – улыбнулся генерал, – не обижайтесь за свои «зеленые фуражки». Мы любим и уважаем их не меньше вашего, хотя и не служили с Анатолием Станиславовичем в пограничных войсках. Но все равно под одним девизом ходим... Просто мы уже уточнили обстановку в этом самом замке на берегу реки Муукы – я говорю про тот фонарь на крыше, который может, по мнению подполковника Логинова, служить ориентиром для дельтапланериста. Владелец замка, это скорее вилла – двухэтажный особняк на холме, да вы его, Николай Иванович, тыщу раз видели во время службы, так этот владелец – вполне лояльный

человек. Сейчас у него гостят двое племянников, студенты Хельсинкского университета, а с ними еще двое парней и три девушки, их однокурсники. Это они иллюминировали дом и довольно весело отдыхают от наук. Вряд ли дельтаплан, если допустить, что он был вообще, прилетел к нам оттуда. Но сама идея с дельтапланом вполне на уровне... В ней заключено рациональное зерно. Ведь на другой стороне бухты есть аэродром для легких спортивных самолетов, принадлежащих частным лицам.

– Да, – подтвердил Колмаков, – он расположен на мысе Таннер. И там есть специальные приводные огни...

– Вот-вот, – сказал генерал. – Надо заняться этим частным аэродромом. Тем более что он принимает иностранные самолеты. Тоже, разумеется, частные. Но это уже не ваши заботы, Николай Иванович. Вы едете в Таллин.

Генерал Третьяков объяснил Колмакову, чем он будет заниматься в столице Эстонии.

– Теплоходу «Вишера», потерявшему шлюпку и трех членов экипажа, было предписано зайти в Таллин, – сказал он после того, как поведал майору о том, что случилось в море в ночь с субботы на воскресенье. – Таково было наше общее с Балтийским пароходством мнение. Если «Вишеру» вернуть в Ленинград, суды-пересуды разнесутся по всему городу, а это крайне нежелательно. Поэтому и в Таллине теплоходу «Вишера» границу не открыли. Наши эстонские коллеги уже занялись этим делом, но вести его поручено нам. Вот и включайтесь, Николай Иванович. Спасшиеся матросы показывают, что их штурман находился в момент удара в шлюпку. Тело его не нашли, хотя он, как и все, был в спасательном жилете, так что утонуть не мог, даже если и погиб при столкновении. Что касается доктора Кунина, то известно: он поднялся на борт катера. После этого катер сразу отошел от шлюпки, развернулся и ударил ее с полного хода в борт. Более подробные сведения о Кунине, чем те, которыми мы располагаем, собираются. На «Вишере» вы должны расспросить о нем и штурмане Давыдове буквально всех членов экипажа, их сейчас тридцать один человек. А было тридцать четыре... Похоже, что неизвестный нам противник перешел в наступление. Самое обидное в том, что мы не знаем, кому заявить протест. Воды открытого моря. Национальная принадлежность катера-пирата тоже неизвестна... Поезжайте, майор Колмаков. Вдруг именно вы и нащупаете след.

VI

Они сидели на деревянной полке сауны, вдыхали раскаленный сухой пар и исходили обильным потом.

– Памятник надо поставить тому, кто придумал эту прелесть, – проговорил Майкл. – Кто у кого перенял баню, Стив? Вы у русских или они у вас?

– Не знаю, – ответил Стив. – Баня ведь есть и у японцев.

– А, – махнул рукою Майкл и поморщился – от этого движения горячий воздух обжег тело, – знаю я эту японскую баню... Приходилось бывать. Прежде у них служила для мытья обыкновенная бочка. Наливали горячей воды, залезали и мокли по горло. А сейчас в общественных банях сделаны бассейны, теперь в них сидят неподвижно все вместе, женщины и мужчины. Так, впрочем, принято было и у вас, Стив... Разве не так?

– Почти, – нехотя отозвался тот. Он считал этот разговор пустым, как многое из того, о чем любил порой разглагольствовать политический советник.

– А вот в Гамбурге, на знаменитой улице Рипербан, функционируют секс-сауны. Вы бывали в квартале Санкт-Паули, Стив? – не унимался Майкл.

– Прошелся днем туда и обратно... И только. Хотелось взглянуть на улицу, которую Бисмарк называл самой грязной милей в Европе.

– Да, – вздохнул Майкл, – вы настоящий новоанглийский квакер, прямо-таки из восемнадцатого столетия. А вот если бы заглянули в секс-сауну, то, помимо вот такого родного вам

жестокого пара, получили бы еще и малайский массаж. Вы знаете, что такое массаж по-малайски?

– Разве я похож на сексуального маньяка? Я противник любых извращений, Майкл. Предпочитаю нормальные отношения между мужчиной и женщиной.

– А что вы считаете нормой, дорогой Стив? Ладно, ладно... Можете не отвечать, старомодный вы человек. Скажите лучше, какой зверь оставил вам такую отметину на левой руке? – Майкл осторожно коснулся безобразного шрама.

Стив насупился.

– Один проклятый рюсся в зеленой фуражке, – медленно проговорил он. – Стрелял в меня из ракетницы. Возьми он чуть правее – вы парились бы сейчас в сауне с кем-нибудь другим, Майкл.

– Н-да, – покачал головой Майкл. – От ракеты, выпущенной в грудь на близком расстоянии, не спасёт ни один доктор мира.

Наступило молчание.

– Не пора ли нам собираться? – спросил Майкл.

– Идите в душевую, а я посижу... Пар еще высокий.

– Тогда и я потерплю. Надо же привыкать к обычаям страны, в которой работаешь. Между прочим, здесь удобное место для конфиденциальных разговоров. В бане никакие жучки⁴ долго не выдерживают. Большая температура, повышенная влажность... Приходится часто менять аппаратуру, а это сопряжено с известными трудностями.

– Жучки в посольской сауне? – спросил Стив. – На кой черт они здесь нужны?

– Жучки, мой милый Фергюссон, нужны даже в собственной спальне. Чтоб записать для себя, как ты храпишь. Или то, что болтаешь во сне.

– Резонно, – отозвался Стив. – Приму к сведению.

– Поставьте мне бутылку виски «Баллантайн» за идею, Стив.

– Согласен. Можно прямо сегодня.

– Ловлю вас на слове. Но сначала прокатимся в порт. Посмотрим на месте, где бы нам основать филиал вашей морской агентской конторы «Эвалд Юхансон и компания». А потом поговорим, что нам делать с хвостом, который приволок за собой из России наш знаменитый Сократ.

С некоторых пор к Рутти Лаймесону, или, если угодно, Стиву Фергюссону, пришел страх.

Рутти никогда ничего не боялся. Коллеги говорили о нем как о человеке без нервов. Лаймесон буквально рвался на опасные дела и всегда выходил сухим из воды. Даже тот случай на границе, когда он едва ли не чудом уцелел под выстрелом ракетницы и еле успел до появления советских пограничников наполнить гелием специальный шар и перелететь через контрольно-следовую полосу, даже тот случай не внушил ему страха, а только обострил его ненависть к «зеленым фуражкам».

После этого Рутти Лаймесон не единожды проходил обучение в различных специальных школах ЦРУ, участвовал во всевозможных операциях в Старом и Новом Свете, стал настоящим профессионалом, которого весьма ценили в Лэнгли, где хорошо понимали разницу между агентом, работающим исключительно за деньги, и разведчиком, действующим из идейных побуждений.

Страх пришел неожиданно, когда Рутти Лаймесон занял прочное положение в ЦРУ, возглавив резидентуру «Осьминог» и получив одновременно звание майора. Теперь в его ведении была широко разветвленная разведывательная сеть, крупные денежные средства и возможность самостоятельного принятия оперативных решений. Из рядового агента, умеющего только стрелять и бить кого нужно по горлу ребром ладони, он превратился в шефа, обла-

⁴ Миниатюрные микрофоны, устанавливаемые для тайного подслушивания (*жарг.*).

дающего правом подставлять под выстрелы «зеленых фуражек» других. Казалось бы, все в порядке. Теперь требовалось только по-умному шевелить мозгами, планировать новые и новые операции, приводить в боевую готовность слиперов – законсервированных агентов, которые в разное время осели на охватываемой его резидентурой территории.

И вот тут-то, по неведомым ему психологическим законам, Рутти Лаймесону стало страшно. Все чаще и чаще ему снился сон о том, как его задерживают на границе. Он видел во сне парня с ракетницей, которого наверняка застрелил в ту ночь. Но во сне русься был живой, он насмешливо улыбался и целился в него из ракетницы, требуя поднять руки вверх. И Рутти Лаймесон понимал, что обязан поднять руки. Если он не захочет подчиниться приказу пограничника, тот выстрелит ему ракетой в грудь. Он силился поднять руки, только они, увы, не повиновались... Рутти охватывало смятение, ужас комкал все его существо. Он хватал ртом воздух и просыпался, тревожно прислушиваясь к бешено колотящемуся сердцу.

Страх не проходил и наяву.

Каждый раз, встречаясь с Вильямом Сандерсом или с кем-либо из более высокого руководства Лэнгли, с Сэмюэлем Ларкиным например, Рутти Лаймесон почему-то ждал приказа лично отправиться штурмовать русскую границу. При этом он прекрасно понимал, что никто и никогда не пошлет именно его переходить контрольно-следовую полосу, что глупо рисковать им по мелочам, для этого есть рядовые исполнители, но это не успокаивало. Он ждал...

Рутти Лаймесон боялся новой встречи с русскими и все-таки его необъяснимым образом тянуло к их границе. Вот и сейчас, когда Майкл, позвонив из Хельсинки, предложил встретиться в Ухгуилласуне, он категорично возразил:

– Нет-нет, Майкл, я сам приеду в Хельсинки. Хочу на месте посмотреть, где бы открыть филиал нашей фирмы.

«Олдсмобил» Майкла Джимлина следовал мимо удивительно красивого хельсинкского Брунепарка, направляясь в гавань Сандвикхамина.

– Что там за история с генералом Коллинзом, Майкл? – спросил Стив Фергюссон.

– Истории уже нет, Стив, – ответил Майкл, поворачивая автомобиль на улицу Эспланада. – Решено дела этого не раздувать... А суть его стара, как мир. Вы ведь знаете, что генерал-лейтенант Коллинз еще недавно был начальником управления по планированию и политике в штабе главнокомандующего нашими войсками в Европе, который находится в Штутгарте...

– Это мне известно, – сказал Стив, – я даже встречался с Коллинзом в Мюнхене.

– Так вот, Коллинз имел доступ к секретным вкладам в банках Швейцарии, имел право снимать деньги со счетов, предназначенных для финансирования деятельности наших спецслужб в Европе, наши с вами деньги, Стив. Он их и снимал... Но использовал не в оперативных целях, а для собственных темных делишек. Пускался в различные махинации, спекулировал, давал деньги, принадлежавшие ЦРУ, в долг под немыслимые проценты.

– Это же уголовное преступление! – возмутился Стив.

Майкл оторвал взгляд от дороги и с усмешкой глянул на своего попутчика.

– Разведка и банальная уголовщина всегда шли рука об руку, Стив... Уж кому-кому, а вам это хорошо известно. Кто, если не чистый уголовник, ваш Лангуст, которого вы с таким грохотом пытались перетащить через кордон?

– Допускается использовать уголовщину только ради высоких целей, Майкл. А генерал Коллинз лично совершил уголовное преступление ради собственного обогащения. Это разные вещи...

– Согласен с вами, Стив. Но в остальном Коллинз стопроцентный янки. Поэтому скандала велено не устраивать, а генерала отправить в отставку с выходным пособием... Слишком много грязных историй случилось за эти годы в самом Белом доме, чтобы дать прессе возможность линчевать имя человека, связанного с ЦРУ. Но, кажется, мы подъезжаем.

Глава пятая

I

В рубке морского мусорщика было относительно тепло, но безопасным свое убежище Олег Давыдов считать не мог. В любой момент его враги могли сообщить полиции, что где-то в этом районе скрывается злоумышленник, преступник, опасный маньяк, бежавший из сумасшедшего дама, русский лазутчик, наконец. Полиция обыщет яхты и катера, обнаружит его на сборщике мусора без документов и с фантастической историей, которую он может рассказать полицейским в качестве версии к своему появлению в Ухгуилласуне. И если еще недавно Олег жаждал встречи с полицией, по крайней мере для того, чтобы полиция не дала его преследователям немедленно расправиться с ним, то теперь надо было попытаться самому связаться с советским посольством или, на худой конец, с агентской фирмой «Эвалд Юхансон и компания», которая обслуживала их «Вишеру» в прошлом и позапрошлом рейсах. Там он знал нескольких служащих.

Машины с причала уехали, но это еще ничего не значило. Они наверняка оставили здесь своих людей. Необходимо было сидеть на этом суденышке до темноты или дожидаться, когда явится его хозяин.

Олег решил обследовать внутренние помещения сборщика мусора и поднял крышку люка, которую обнаружил в задней части рубки. Когда он спустился по скоб-трапу, то увидел, что находится в машинном отделении. Оно располагалось в кормовой части судна, управление двигателем осуществлялось дистанционно, это Давыдов определил, находясь в рубке. А передняя часть сборщика была занята механизмами для утилизации пойманного мусора, резервуарами для собранной нефти.

Олег прикоснулся рукой к одному из цилиндров дизеля и ощутил, что тот довольно теплый. Значит, смекнул он, недавно был в работе – команда, видимо, пошла завтракать или сменилась ночная вахта, сейчас заступит другая... Он посмотрел на часы и вдруг подумал, что впервые за это время видит их циферблат. Было половина восьмого. Значит, здесь, в Ухгуилласуне, половина шестого утра. Еще рано, а солнце уже высоко поднялось над горизонтом – обычное дело летом в высоких широтах.

«Надо бы подкрепиться», – подумал Давыдов. Он понимал, что в машинном отделении съестным не разживешься, и полез наверх. Оказавшись опять в рубке, Олег понял, что кубрика или каюты на мусорщике нет. Впрочем, это логично. В открытое море эта посудина не выходит, шастает только в портовых водах. Работают на ней посменно, как у станка на заводе, так что и никаких здесь излишеств вроде каюты с койкой.

Давыдов увидел шкафчик на задней переборке, открыл его и удовлетворенно присвистнул. В шкафчике стоял термос, лежали пакеты, в которых явно была какая-то еда. Олег тряхнул термосом и услышал, как плеснулась жидкость. Оказался вполне еще горячий чай с сахаром и лиманом, а в пакетах – сыр, копченая колбаса и зачерствевший белый хлеб.

Штурман уселся в правом углу у задней переборки, откуда, приподнимая голову, можно было наблюдать за причалом, и принялся завтракать, благодаря в душе неведомого человека, который позволил ему заморить червячка.

Едва он покончил с едой, как заметил, что от причала к мусорщику идет резиновая надувная лодка. В ней находились двое. Один греб короткими веслами, а второй, в оранжевой куртке с капюшоном, наброшенным на голову, сидел на корме.

«Ну все, – подумал Давыдов, – если это они, то едут меня кончать... Но так просто я им не дам! А вдруг это дневная вахта? Можно попросить их помочь... Но сначала уйти отсюда подальше!»

Быстро убрав термос и остатки еды в шкафчик, штурман поднял крышку люка, стал спускаться в машинное отделение, не забыв прикрыть за собой люк.

«Если пришла новая вахта, – подумал он, – то они снимутся с якоря, врубят двигатель и пойдут собирать мусор... Главное – уйти отсюда. Пока они не заметят моего присутствия. А там видно будет...»

Так оно и оказалось. Через несколько минут Олег услышал шаги у себя над головой. Потом по звукам догадался, что выбирают якорь ручным брашпилем. Наконец, из рубки включили двигатель, он заработал на малых оборотах, и Олег подумал, что скоро здесь, в машине, будет ой как тошно, но надо потерпеть, – лишь бы убраться от того места, где его могут искать

Потом он понял, что посудина, приютившая его, двинулась.

II

– Какого черта Сократу понадобилось тащить за собой этого русского штурмана?! – в сердцах воскликнул Стив Фергюссон, удобно расположившись со стаканом в руке в гостиной Майкла Джимлина. – Ведь мы так и не нашли его... Неустрашенный свидетель! Что может быть губительнее для нашего дела?!

– Успокойтесь, Стив, и не лезьте, как говорят русские, в бутылку. Ее содержимое мы лучше выльем в стаканы. Я знал Сократа пятнадцать лет назад... Допускаю, что за эти годы, которые он провел в России, Сократ стал русским больше, чем это допустимо при столь длительной легализации. Вы, Стив, никогда не работали под чужим именем в чужой стране долгое время, хотя теоретически должны знать, что перевоплощение разведчика не проходит для него бесследно, определенные национальные черты того человека, за которого он себя выдает, становятся чертами характера разведчика. Вот и к Сократу перешло нечто от Бориса Кунина, останки которого давно уже покоятся на европейском кладбище столицы одного из арабских государств. Сократ, вернее Джон Бриггс, он же Иоганн Штрассер, пятнадцать лет носивший имя русского парня и живший среди русских, не мог позволить, чтобы на глазах у него убили того, кто спас ему жизнь. Кстати, у Бриггса – Штрассера, так же как и у вас, Стив, течет в жилах часть русской крови.

– Далась вам эта моя кровь, Майкл, – проворчал Стив и налил в стаканы виски.

– Простите, Стив, но я упомянул это потому, что никак не могу до конца разобраться в вашей ненависти к нашему великому противнику. Ведь не выстрел же из ракетницы того мальчишки...

– Конечно, нет... Все гораздо сложнее, Майкл. Но ведь мы говорили о Бриггсе.

– Это он по матери Бриггс, она наполовину русская, его бабушка – княгиня Шаховская. А отец у Сократа немец Штрассер. Штурмбаннфюрер СС Рольф Штрассер, дальний родственник того Штрассера, который основал нацистскую партию и был ликвидирован фюрером в «ночь длинных ножей» в 1934 году. Правда, в те годы Рольф твердил, что он всего лишь однофамилец. Но дело не в нем... Я ведь готовил операцию с подменой, делал тогда первые шаги в ЦРУ, поэтому хорошо помню молодого красавчика Бриггса. Впрочем, и его двойник Борис Кунин был симпатягой. Господи, о чем я говорю! Это же естественно, раз они двойники! Видимо, я перебрал сегодня виски...

– У русских есть поговорка – клин клином вышибают, – сказал Стив. – Ее финский аналог: масло можно разбавить только маслом.

– Это не совсем то, дорогой Фергюссон, – возразил Майкл. – Я понял разницу между поговорками и, значит, еще недостаточно пьян. Поэтому выпью. Вас интересует эта старинная легенда?

– В порядке обмена опытом. И потом, Майкл... Сократ – мой новый заместитель, начальник нашей спецшколы на вилле «Вера крус». Я попросту обязан как можно больше узнать о коллеге.

– История в общем-то банальная, – сказал Майкл, отхлебнув добрый глоток из стакана. – Но придумал операцию наш дядюшка Сэм, поэтому Джон Бриггс, уцелевший в России после столь долгого там пребывания, – его любимый сотрудник, если допустить, что старый Ларкин вообще кого-нибудь любит.

– Вас, например, Майкл... Я помню рассказы о вашем детстве в его исполнении.

– Чепуха! Это он делает вид, работает под доброго дядюшку, хотя и в самом деле мой крестный отец. А эту байку о кремовых брюках, которые я ему описал, будучи младенцем, слышу с тех пор, как стал воспринимать мир. Он прожженный пират, этот Ларкин... Ну да бог с ним... Словом, с подменой была его идея, а я выступал в качестве одного из исполнителей. Слушайте. У Зиновия Кунина, одного из работников советского торгового представительства в том самом арабском государстве, был сын, а я был одним из рядовых сотрудников нашего посольства, работал под началом Ларкина и однажды на приеме в президентском дворце показал ему семейство Куниных. Их парень закончил тогда среднюю школу в колонии при советском посольстве и собирался ехать в Москву, чтобы поступать в медицинский институт.

Ларкин чуть ли не остолбенел, увидев молодого Кунина. Оказывается, тот как две капли был похож на Джона Бриггса, только что окончившего разведшколу в Штатах, где Ларкин возглавлял комиссию на выпускных экзаменах.

«Какое сходство! – твердил он мне весь вечер. – Какое сходство... Черт возьми, Майкл! Неужели мы не используем этот природный феномен?»

Я пожимал плечами, потому что не видел возможности его использовать.

Помог, как это часто бывает в нашем деле, Его Величество Случай. Прошло каких-нибудь три дня, и «шевроле», на котором ехали отец, мать и сын Кунины, попал в дорожную аварию. Родители погибли сразу, а Кунин-младший был доставлен в госпиталь Международного Красного Полумесяца в тяжелом состоянии. Тут и созрела у дядюшки Сэма идея подмены...

– А эта автомобильная катастрофа?.. – Недоговорив, Стив щелкнул пальцами.

– Фу, Стив, как можно... Я же говорю – случай. Его Величество Случай. Так вот, остальное было делом техники. Настоящий Кунин умер через несколько часов, но Ларкин уговорил кого надо из медицинского персонала госпиталя, жирно их подмазал, вот они и темнили трое суток, будто он находится между жизнью и смертью, не пускали к нему никого из русских. Русские не возражали: какие могут быть посещения к пациенту, находящемуся в реанимационной камере. А там прибыл Джон Бриггс, ему сделали необходимые пластические операции, обмотали бинтами с ног до головы, и еще через неделю пострадавшего смогли увидеть товарищи из советского посольства, сказать ему ободряющие слова... Хорошую партию разыграл старик Ларкин, не правда ли, Стив?

– Да, – покачал тот головой, – такое удастся провернуть раз в жизни.

– Поэтому дядюшка Сэм и обожает Бриггса, – сказал Майкл. – Так что по старой дружбе советую с Бриггсом быть осмотрительнее. Вряд ли он здесь задержится, наш милый доктор... Он еще будет командовать нами. Вот увидишь! Черт возьми, наша выпивка кончается, Стив!

– Разве вы не держите запасов? – спросил Фергюссон.

– Держу, разумеется, – ответил Майкл. – Но третьего дня были гости из Штатов... С тех пор не успел пополнить бар.

– В это время достать в Хельсинки алкоголь проблема... Но если вы дадите мне ключи от автомобиля, я через полчаса приеду с бутылкой.

– Лучше с двумя, Стив. И я расскажу про идею старика Ларкина в отношении вас.

– Что это еще за идея? – насторожился Рутти.

– Дядюшка хочет послать вас с инспекционной поездкой в Ленинград. С тем, чтобы вы на месте изучили обстановку, включили в работу старых слиперов, проверили положение, в котором действуют наши люди, узнали: не водят ли они за нос старую загородную фирму. Словом, поедете ревизором...

«Так я и знал, – в смятении подумал Лаймесон, – так и знал... Недаром мне снился этот рюсся».

III

Олег Давыдов выждал с полчаса, время он определил приблизительно – в машинном отделении было темно – прикинул, что куда-то они все-таки отошли на сборщике мусора, и, ощупывая рукой скобы на переборке, полез по трапу.

Голова его уперлась в железный люк. Олег попытался открыть его, но тот не поддавался. Видимо, те, кто были в рубке, повернули верхний запор люка.

– Эй, – крикнул он. – Кто там наверху! Откройте! – Но шум двигателя заглушал голос.

«Эдак и помрешь здесь в неизвестности, – подумал он. – Как же мне дать о себе знать?»

Давыдов постучал костяшками пальцев, но звук был слабый, и тогда он стал барабанить кулаком и кричать по-русски: «Откройте! Откройте!»

Олег как-то и не сообразил поначалу, что его скорее поймут, если то же самое произнести на английском языке, который во всем мире был у моряков средством общения.

Как раз в это время сверху дали двигателю малый ход, шум поутих, и Давыдова услышали. Люк вдруг распахнулся. Олег, подняв голову, увидел загорелое лицо синеглазого моряка в мятой темно-синей фуражке, с трубкой в зубах и с рыжей шкиперской бородкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.